

- [Теодор Драйзер](#)
  - [Рассказ](#)

---

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

**Теодор Драйзер**  
**Западня**

## Рассказ

Был душный июльский полдень. Поразмыслив несколько месяцев над предостережением, которое сделал ему приятель и политический единомышленник и которое за это время никак не подтвердилось, Грегори решил поехать в приморский отель; он мог позволить себе отдохнуть там, так как уже достиг известного благополучия. Отель был роскошный, «Тритон», всего в часе езды от его конторы, расположенной у моря, среди сосен и песков Айленда. Несмотря на то, что против Грегори, видимо, готовился заговор, жена его, «девочка», как обычно он называл ее, собиралась из-за болезни ребенка поехать в горы к своей матери, чтобы посоветоваться с ней и отдохнуть.

Приближалась осенняя предвыборная кампания, и Грегори нельзя было совсем оставить город. И в будние дни и в воскресенье до поздней ночи он занимался поисками и обоснованием фактов, вскрывавших преступность городского управления, — их надлежало пустить в ход в недалеком будущем. Мэра и его клику надо было свалить любой ценой. Грегори знал, что, если это произойдет, он не останется внакладе. В то же время он искренне верил в необходимость того, что делал. Городом управляли преступники. Разыскать упрятанные в воду концы и выставить их на обозрение оскорбленным и возмущенным гражданам — что может быть важнее и благороднее!

Но и враг не был беспомощен. Джентльмен, подвизавшийся в издательском деле, — Грегори о нем даже никогда и не слышал, — позвонил ему и предложил работу на Среднем Западе; она давала бы шесть или даже семь тысяч годовых и держала вдали от родного города по крайней мере четыре-пять лет. Поскольку он не оценил этого предложения, часть его почты начала пропадать, и ему стало казаться, что какие-то странные субъекты проявляют особый интерес с каждому его шагу. Наконец один из местных политических деятелей, состоявший в той же партии, что и Грегори, зашел к нему в контору.

— Видите ли, Грегори, дело вот в чем, — сказал он после краткого вступления. — У вас в руках нить, и ведет она к махинациям с земельными участками в Южном Пеньянке. В них замешан мэр, и он и его партнер Тилни твердо решили, что никто ничего не должен об этом знать, по крайней мере пока не кончатся выборы.

Они готовы на все, так что смотрите в оба. Вы ведь любите свою жену?

Мой совет — не отпускайте от себя ни ее, ни ребенка. Не позволяйте разлучить вас даже на секунду, где бы вы ни были. Вы же знаете, что случилось с Крозерсом несколько лет тому назад?

Он уже готов был разоблачить махинацию в Йеллоу-Пойнт-Ферри и, разумеется, рта не успел раскрыть, как был арестован по старому обвинению в том, что он покинул семью; одновременно извлекли на свет давний долг, все его имущество конфисковали, а жену заставили порвать с ним. Не давайте им повода поймать вас тем же способом. Если у вас есть долги, скажите нам, и мы посмотрим, что тут можно сделать. А если вы увлекаетесь какой-нибудь другой женщиной, порвите с ней, отошлите ее подальше, отделайтесь от нее.

Грегори посмотрел на собеседника с сердитой и в то же время сострадательной улыбкой.

— Никакой другой женщины у меня нет, — просто сказал он.

Надо же вообразить, что он может быть неверен «девочке» и малышу — голубоглазому, с розовыми ножками.

— Не подумайте, что я хочу совать нос в ваши дела, — продолжал политический деятель. — Я просто разъясняю положение.

Если вам понадобится совет или помощь, обратитесь ко мне. Но что бы вы ни делали — глядите в оба. — С этими словами он надел свой черный блестящий цилиндр и удалился.

Грегори стоял посреди комнаты и внимательно разглядывал пол. Учтывая то, что он уже знал, он мог легко представить: мэр поступит именно так, как сказал его друг. Что же касается приятеля мэра, хищного спекулянта недвижимостью, то, судя по тому, что шепотом рассказывали о нем, было ясно — нет такой подлой хитрости и жестокости, которые он погнушался бы сделать. Один политический деятель, характеризуя его, однажды сказал, что он не остановится перед убийством, но на месте преступления его никто не захватит, и, без сомнения, это было похоже на правду. Он разбогател и обладал теперь большей властью, чем когда-либо, гораздо большей, чем мэр.

С тех пор как Грегори вместе с женой прибыл в приморский отель, произошло несколько событий, заставивших его опасаться неприятностей, хотя пока ничто не подтверждало его подозрений. В отеле появилась медоточивая, разодетая, вся в драгоценностях, игривая сорокалетняя вдовушка, — она называла себя деловой женщиной, говорила, что управляет весьма доходным театральным агентством в городе, и потому, как обычно в таких случаях выражался один из друзей Грегори, «купалась в деньгах». Она одевалась в шелка коричневых и винных тонов, у нее были

коричневые домашние туфли и коричневые чулки и подозрительно блестящая, каштанового цвета копна волос. Ее машина — она имела собственную машину — была лучшей марки, а ее умение играть в вист и готовность рисковать восхищали всех. По выражению прислуги отеля и завсегдатаев веранды «Тритона», она была веселой и щедрой мотовкой. Миссис Скелтон приехала, когда миссис Грегори еще жила в «Тритоне», уютно устроилась в двух комнатах с ванной, выходящих окнами на море, и быстро сдружилась с хозяином отеля и с двумя завсегдатаями, по виду маклерами и торговцами недвижимостью, которые интересовались больше всего гольфом, теннисом и ресторацией. Вдовушка была обходительна, энергична, весела, и Грегори и его жена невольно почувствовали к ней некоторую симпатию. Но перед отъездом жена Грегори иногда спрашивала себя, не входит ли миссис Скелтон в число заговорщиков. Ее дружелюбие можно было толковать по-разному, но все же оно казалось не настолько назойливым, чтобы вызвать подозрение. И тем не менее, возможно, она выжидает, когда Грегори останется один.

— Будь осторожен, дорогой, — предостерегала его жена. — Если у тебя возникнут серьезные подозрения, немедленно уезжай отсюда куда-нибудь в другое место. Тогда по крайней мере им придется сменить партнеров для игры.

И она уехала, твердо веря, что муж сумеет уладить это неприятное дело.

Таким образом, сперва даже против своего желания, Грегори очутился в одиночестве. Он стал размышлять, как ему поступить — уехать или выждать, пока «прояснится погода», как он выражался. Собственно, чего ради он должен оставить комфортабельный, ближайший к городу приморский отель, где ему так удобно? Здесь он постоянно, в особенности по субботам и воскресеньям, встречает большинство своих политических друзей. Так близко от города и так много преимуществ: прекрасная площадка для гольфа, несколько теннисных кортов, стол и жилье, на которые никак нельзя пожаловаться, и бодрящий, восхитительный вид на море, открывающийся сразу за широкой лужайкой. Притом ежедневно большую часть рабочего дня ему совершенно необходимо проводить в городе. Этого требовало необычное и не терпящее отлагательства расследование, которым он был занят; в то же время он испытывал потребность в тихом уголке, где можно было бы передохнуть и за ночь набраться сил.

«Здесь хорошо, — сказал он себе наконец, — и здесь я останусь. У меня нет машины, а где еще я найду такое удобное место? К тому же, если

они решили меня преследовать, они будут преследовать меня повсюду».

Итак, он продолжал ездить из отеля в город и обратно, сосредоточенно размышляя о том, что может случиться. Когда у него возникли некоторые сомнения, он решил навестить Фрэнка Блаунта и переговорить с ним. Блаунт долгое время был журналистом, потом стал адвокатом и, наконец, маклером. Его как будто не слишком осаждали клиенты, и все же он явно преуспевал. Старый холостяк, он был завсегдатаем трех клубов, нескольких отелей и десятка загородных вилл, не говоря уже о том, что у него был превосходный автомобиль. Как раз теперь он был необычайно занят делами и часто посещал побережье. Он любил гольф, теннис и, между прочим, Грегори, которому искренне желал преуспевания, хотя никак не мог направить его на верный путь. Приехав однажды утром в город, Грегори зашел в контору Блаунта и там изложил ему все как есть.

— Таково положение, — заключил он, созерцая розовые щеки и лысеющую голову друга. — И мне хотелось бы знать, как ты поступил бы на моем месте.

Блаунт задумчиво смотрел вверх высоких зданий города на виднеющееся за ними голубое небо и постукивал пальцами по стеклу, покрывавшему стол.

— Что ж, — ответил он спустя некоторое время, все так же задумчиво поскребывая подбородок, — на твоем месте я бы не сдавал позиций. А если тут замешана женщина, да еще хорошенькая, ты можешь немного развлечься, не рискуя попасть в беду. Я смотрю на это как на своего рода летний спорт. Разумеется, надо быть настороже. На твоем месте я получил бы разрешение носить револьвер. Они узнают, что ты вооружен, если действительно следят за тобой, и это не придаст им бодрости. А затем тебе необходимо ежедневно записывать каждый свой шаг — где ты был и что делал — и заверять записи у нотариуса. Если они узнают об этом, то опять же не обрадуются и, пожалуй, им придется придумать что-нибудь пооригинальнее.

Кроме того, — продолжал он, — по вечерам и по воскресеньям я не очень занят, так что, если хочешь, почти всегда могу быть у тебя под рукой на случай беды. Если мы будем вместе, им вряд ли удастся что-нибудь подстроить так, чтобы один из нас не узнал об этом, и к тому же у тебя будет свидетель. — Блаунт подумал также, не может ли упомянутая в разговоре дама представлять интерес и для него самого. — Я живу в Сансет-Пойнте, по соседству с тобой, и, если хочешь, буду приезжать каждый вечер и любоваться твоими успехами. Если же какой-нибудь трюк им удастся, я хочу посмотреть, как это будет сделано.

И он весело и ободряюще улыбнулся.

— В том-то все и дело, — в раздумье произнес Грегори, — я вовсе не хочу, чтобы их трюк удался. Я не могу себе этого позволить. Если теперь со мной что-нибудь случится, то в политическом отношении мне уже никогда не встать на ноги, а у меня жена, ребенок, и мне осточертела газетная пачкотня.

И он уставился в окно.

— А, брось ты об этом тревожиться, — успокоительно сказал Блаунт. — Будь только начеку и, если тебе придется позже обычного задержаться в городе, дай мне знать, — я подъеду и захвачу тебя с собой. Если же мне это не удастся, переночуй в городе.

Остановись в каком-нибудь большом отеле. Там ты будешь в полной безопасности.

Несколько дней подряд Грегори, чтобы не быть для приятеля обузой, возвращался в отель рано. Он достал разрешение, и теперь задний карман его брюк оттягивало громоздкое оружие, которое он терпеть не мог, но тем не менее держал по ночам под подушкой. Неуверенность в такой степени действовала на его воображение, что в поступках чуть ли не каждого человека он стал усматривать подозрительный умысел. Каждый новый постоялец отеля вызывал в нем беспокойство. Он был убежден, что за ним следят какие-то люди, связанные с миссис Скелтон, хотя не мог доказать этого даже самому себе.

«Глупости, — в конце концов решил он. — Я веду себя, как пятилетний ребенок в темноте. Кому я нужен?» Он писал жене шуточные письма и старался обрести прежнюю беззаботность.

Однако это было не так легко: вскоре произошло нечто такое, что сильно его встревожило. Во всяком случае, он сам взвинтил себя, ибо характерная особенность подобных происшествий состоит в том, что их можно толковать и так и этак. Однажды около девяти вечера, несмотря на совет Блаунта, он решил вернуться в отель «Тритон», не прибегая к помощи друга.

«Стоит ли? — спрашивал он себя. — Блаунт еще подумает, что я трус, каких мало; в конце концов до сих пор ведь ничего не случилось, и я сомневаюсь, что они зайдут так далеко». Он утешал себя мыслью, что, может быть, человечество не так плохо, как он думает.

И однако, едва он сошел с поезда и увидел за лугами, на востоке, мерцающие в отдалении огни «Тритона», как усомнился в разумности своего поступка. Станция «Тритон» бывала безлюдной почти все время, за исключением утра и семи вечера, а теперь здесь вообще не было ни души.

Только он и сошел с поезда. Почти все ездили в отель и обратно на своих машинах по шоссе. «И чего ради я не послушался Блаунта, — спрашивал себя Грегори, оглядывая лежащую вокруг равнину, — почему не обратился к нему за содействием или не остался в городе?» Взяв таксомотор, он в конце концов тоже едва спас бы положение, — Блаунт это подчеркивал, — возможно, только дал бы притаившемуся врагу удобный случай для нападения. «Нет, следовало остаться в городе или поехать с Блаунтом в его машине», — говоря себе это, Грегори зашагал по пустынной и короткой дороге, которая вела к отелю и была освещена лишь несколькими небольшими фонарями, висевшими на изрядном расстоянии друг от друга.

Он шел и думал: «Какое счастье, что до отеля всего несколько сот шагов и что сам я человек крепкий и на случай столкновения хорошо вооружен», — как вдруг из-за поворота вынырнула машина и остановилась в нескольких шагах впереди него. Из нее вышли двое мужчин и, держась в стороне от фар, которые горели слабее обычного, стали осматривать колесо. Грегори сразу показалось странным, что фары светят так тускло. Отчего бы это, да еще в столь поздний час, и почему незнакомая машина остановилась как раз у пустынного поворота как раз в ту минуту, когда он подходил сюда? И почему у него такое странное состояние: по всему телу поползли мурашки и волосы на голове зашевелились? Он перешел на другую сторону, чтобы его отделяла от машины ширина дороги. Но в это время один из мужчин вставил колесо и направился к Грегори. Тотчас, почти произвольным движением, Грегори вытащил револьвер из заднего кармана брюк и сунул его в карман пальто. При этом он остановился и крикнул:

— Ни с места, слышите! Я вооружен, не подходите, или я буду стрелять. Я не знаю, кто вы, друг или враг, но все равно, ни шагу больше. Если вам нужно что-нибудь, спрашивайте, не сходя с места.

Незнакомец остановился, видимо, удивленный.

— Хотел попросить у вас спичек и узнать, как проехать в Трейджер-Пойнт, — проговорил он.

— У меня нет спичек, а в Трейджер-Пойнт надо ехать в обратную сторону, — отрезал Грегори. — Вот же отель... Если вы едете оттуда, почему вы не узнали там, как проехать, а заодно не попросили спичек? — Он замолчал, а мужчина, стоя в тени, кажется, с любопытством рассматривал его.

— Что ж, ладно, — равнодушно ответил он. — На нет и суда нет.

Но вместо того чтобы вернуться к машине, он продолжал стоять на прежнем месте, не спуская глаз с Грегори.



Грегори взъерошился, как испуганная кошка. Весь дрожа, он вытащил из кармана револьвер и угрожающе помахал им.

— Стоять на месте, пока я не пройду мимо! — крикнул он. — Вы оба у меня на мушке, и при первом движении я буду стрелять. Я вас не трону, если вы сами не напроситесь, только ни с места. — И он двинулся прочь, держа их под прицелом. — Ни с места! — все кричал он, пока не отошел на значительное расстояние; затем — те двое, возможно, от изумления, все еще стояли и смотрели на него — он вдруг повернулся и припустил со всех ног; к дверям отеля он прибежал весь взмокший, еле переводя дух.

«Нет, больше не поеду один», — пообещал он себе.

Когда он рассказал об этой встрече Блаунту, тот высмеял его страхи. Ну кому придет в голову убивать или устраивать засаду на таком открытом месте? С поезда могли сойти и другие пассажиры. Заблудившаяся машина могла очутиться там в любое время. Людям действительно могли понадобиться спички, и они, возможно, ехали вовсе не из отеля. Там есть и другая, окольная, дорога.

И все же Грегори был склонен думать, что ему угрожала опасность, — он и самому себе не мог бы объяснить, почему он так думал, — просто чутье, утверждал он.

А день или два спустя — в свете происшедшего это казалось ему отнюдь не случайным — миссис Скелтон стала проявлять все большую заботу об его удобствах и благополучии. В ресторане отеля она занимала один из столиков у окна с видом на море, и почти всегда с нею обедал кто-нибудь из ее приятелей-маклеров, а то и оба вместе или кто-нибудь из случайных знакомых. Но четвертый стул обычно оставался свободным, и вскоре Грегори стали приглашать к столу, а когда присутствовал Блаунт, придвигали пятый стул. Вначале Грегори колебался, но, понукаемый Блаунтом, которого миссис Скелтон забавляла, стал принимать приглашения. Блаунт уверял, что с ней очень весело. Она так хорошо одевается, такая бойкая, обходительная, добродушная — словом, для времяпрепровождения на побережье лучшего и желать нельзя.

— Брось, старина, она прелюбопытная особа, — рассуждал он однажды вечером во время послеобеденной прогулки. — Недурна, сомнения нет, хоть красотке сорок лет. Она мне нравится. Честное слово. Кто ее знает, может быть, она и обманщица, но хорошо играет в бридж и недурно в гольф. Она пробовала что-нибудь из тебя вытянуть?

— Ничего как будто, — отвечал Грегори. — Особой хитрости в ней не заметно. Впрочем, она тут всего недели три.

— К ней надо приглядеться. Я подозреваю, что она здесь неспроста,

но утверждать с уверенностью не могу. Похоже, что ее послал Тилни. Но сыграем партию и поглядим, чья возьмет. Я буду любезен с ней ради тебя, а ты делай то же самое ради меня.

Под благотворным воздействием завязавшейся дружбы события развивались довольно быстро. Не прошло и двух дней, как миссис Скелтон с необычайно таинственным видом, словно о чем-то весьма важном и тщательно скрываемом, сообщила, что в отель ненадолго приезжает ее приятельница, очень милая девушка из почтенной, состоятельной семьи, уроженка Запада, некая Имоджин Кэрл, ни много ни мало — дочь известного в Цинциннати богача Брайтона Кэрла. По словам миссис Скелтон, она познакомилась с родителями этой девушки там же, в Цинциннати, пятнадцать лет тому назад. Имоджин — ее любимица. Сейчас девушка гостит в имении Флетчеров в Грей Ков, на Зунде, но миссис Скелтон уговорила родителей Имоджин, и они разрешили дочери приехать к ней в «Тритон». Имоджин всего двадцать лет, и отныне миссис Скелтон будет ее неизменной и верной покровительницей. Разумеется, все присутствующие одобряют ее намерения? А если бы они были так милы, — при этих словах миссис Скелтон окинула всех быстрым взглядом, — то помогли бы ей развлекать гостью. Вот было бы замечательно! А какая чудная девушка: умница, красавица, и хорошо танцует, и играет на рояле, и то и се, — словом, чудеса, да и только. Самое главное все же — ее красота: пышные каштановые волосы, карие глаза, прекрасная кожа...

Блаунт и Грегори выслушали все это глазом не моргнув, но позже, когда они встретились на большой веранде, выходящей к морю, Блаунт сказал:

— Ну как?

— По-моему, дело ясное. А эта здорово расписывает! Все-таки, знаешь, интересно, а вдруг она и в самом деле такое совершенство? — И Грегори засмеялся.

Несколько дней спустя прекрасная незнакомка появилась и полностью оправдала все посулы миссис Скелтон, даже превзошла их. Она была очень хороша. Грегори впервые увидел ее, когда в семь часов вошел в просторный ресторан. Как и говорила миссис Скелтон, она была молода — двадцать один, не больше. Глаза у нее были светлые, серо-карие, а волосы, лицо и руки словно светились. Она казалась простой и скромной, приветливой и веселой, к тому же довольно неглупой; нельзя было назвать ее совершенной красавицей, но на нее было приятно смотреть... очень приятно.

Она сидела за столом миссис Скелтон, маклеры явно за ней

ухаживали, и Блаунту она тоже понравилась с первого же взгляда.

— Ну, какова красотка? — спросил он. — Предчувствую, что мне придется спасти тебя от тебя самого. Знаешь, как мы сделаем?

Ты спасай меня, а я буду спасать тебя. Старушка, видно, соображает, каких надо подбирать, да и Тилни тоже. Так вот, мой друг, гляди в оба!

И он приблизился к столу с видом человека, который жаждет стать жертвой прекрасных глаз.

Грегори невольно рассмеялся. Как ни был он настороже, он был заинтересован, а девушка, словно чтобы подогреть его интерес, уделяла миссис Скелтон и ее двум друзьям куда больше внимания, чем Грегори и Блаунту. Она вела себя совсем непринужденно или разыгрывала непринужденность и, казалось, не подозревала, что ей предназначена роль сирены, а они, в свою очередь, делали вид, будто принимают все за чистую монету; и после обеда Блаунт весело объявил, что она может очаровывать его, сколько ее душевке угодно. Он к ее услугам.

Но в тот же вечер и на другой день Грегори почувствовал, что очаровать стараются именно его. Он ловил на себе ее взгляд, то лукавый, то робкий, а то одновременно и лукавый и робкий, и настойчиво, даже не без тщеславия, уговаривал себя, что именно его она избрала своей жертвой. Когда он высказал свои предположения Блаунту, тот только рассмеялся.

— Не будь таким тщеславным, — сказал он. — Ты можешь и ошибаться. Впрочем, хотел бы я быть на твоём месте. Посмотрим, не могу ли я отвлечь от тебя ее внимание.

И Блаунт стал, как и все, ухаживать за ней.

Однако Грегори не так-то легко было ввести в заблуждение. Он пристально следил за девушкой, когда она весело болтала об обещанном ей путешествии на яхте, о теннисе, гольфе, о том, как проводила прошлую зиму в Цинциннати и купалась недавно в Бичамптоне. Она отлично играла в теннис, в чем Грегори позднее сам убедился: всякий раз, играя с ним, она заставляла его изрядно попрыгать, и пот с него катился градом. Он пытался понять, не делает ли она ему авансов, но ничего определенного не замечал. Она равномерно распределяла свою благосклонность и, когда в Восточной гостиной начинались танцы, выбирала сначала одного из маклеров, а затем Блаунта.

У Блаунта, как и у миссис Скелтон и маклеров, была своя машина, но, несмотря на почти постоянное присутствие Блаунта, кто-нибудь из них, собираясь днем или вечером на прогулку, приглашал Грегори составить компанию и поехать с ним. Однако он не доверял им и не принимал их приглашений, за исключением тех случаев, когда Блаунт был тут же и тоже

получал приглашение, — тогда он охотно соглашался. Время от времени в отеле играли в вист, безик или покер, и Грегори, как и Блаунт, когда тот оказывался налицо, после настойчивых приглашений обычно присоединялся к игрокам. Грегори не умел танцевать, и Имоджин поддразнивала его. Почему он не учится? Ведь это такое удовольствие! Она научила бы его! Порой, когда она проносилась мимо, скользя среди других пар, он невольно смотрел на нее с восхищением и думал, что она удивительно грациозна и жизнерадостна. Блаунт замечал это и подтрунивал над ним, хотя и ему она казалась очень милой и интересной. Грегори не раз задумывался над тем, как поразительно (если только это правда), что такая темная личность — вроде этого Тилни — могла для исполнения своего подлого замысла найти столь привлекательную девушку. Подумать только, ей всего двадцать один год, она красива и, несомненно, могла бы иными способами добиваться лучшего положения в жизни, а вот он вынужден ее подозревать, и вполне возможно, что она авантюристка. Что же толкает ее, ради чего она это делает?

— Друг мой, ты не знаешь этих хитрецов, — твердил ему Блаунт. — Они пойдут на любую подлость. В политике людей можно заставить делать все, буквально все. Это не то, что обычная жизнь или бизнес. Это политика, и все тут. Звучит цинично, но так оно и есть. Суди сам по своим расследованиям. Что они показывают?

— Я понимаю, но такая девушка, и вдруг... — с жаром произнес Грегори.

Ведь в конце концов, настаивал он, неизвестно, кроется ли тут что-нибудь, или это только кажется. Может быть, она сирена, а может быть, и нет. Возможно, оба они просто превратно судят о ней, как и о других ни в чем не повинных людях.

Относительно миссис Скелтон им пока удалось узнать только, что она, как и сама говорила, — преуспевающая владелица и управительница театрального агентства. Возможно, она знавала лучшие времена и могла похвастать лучшими знакомствами. Иногда Грегори чувствовал, что совсем теряется, как человек, неожиданно столкнувшийся в темноте с врагом; он испытывал неуверенность и нерешительность, но они с Блаунтом пришли к выводу, что лучше всего остаться и подождать конца, — будь что будет. Игра была забавной даже и в таком виде, увлекательной и необычной. Она, как говорил Блаунт, вскрывала глубину той политической мерзости, которую Грегори пытался разоблачить и о которой раньше даже и не подозревал.

— Не отступай, — с азартом игрока твердил Блаунт. — Кто знает, что

из этого выйдет. Может быть, это даст тебе как раз тот козырь, который нужен. Попытайся привлечь ее на свою сторону. А почему бы и нет? Она в самом деле может влюбиться в тебя.

Тогда посмотришь, как повернется дело. С открытыми глазами ни в какую западню не попадешь.

Со временем Грегори согласился с этими доводами. К тому же эта прелестная девушка каким-то неуловимым образом начала притягивать его к себе. Он не только никогда не был знаком с такой прелестницей, ему даже видеть ничего подобного не приходилось. Игра была своеобразна, необычайна и увлекательна. Он стал следить за своей внешностью и сам делал робкие попытки ухаживать. Тем не менее запись его времяпрепровождения составлялась каждое утро. Каждый вечер он возвращался из города либо с Блаунтом в его машине, либо ранним поездом. Возможность риска была почти исключена, и все же — как знать?

В последующие вечера, согласно обычаям приморского отеля, Грегори и Имоджин познакомились друг с другом поближе. Слушая, как она играет и поет, Грегори понял, что это пылкая и даже чувственная натура. Как он теперь видел, она была более искусенной, чем казалось вначале; иногда она как-то странно и призывно надувала губки и маняще поглядывала то на одного, то на другого, не исключая и его самого. Поскольку предположение о тайных злоумышленных кознях утратило свою новизну, Блаунт и Грегори начали шутить с Имоджин по этому поводу, вернее, туманно намекали на исполняемую ею роль.

— Ну, как сегодня идет ваша игра? — спросил однажды Блаунт на второй или третьей неделе ее пребывания в отеле, подходя к ней и Грегори, которые сидели на большой многолюдной веранде, и глядя на нее понимающим, насмешливо-циническим взглядом.

— Какая игра?

Она посмотрела на него с самым невинным видом.

— Такая, когда расставляют западню и ловят намеченную жертву. Разве не этим занимаются все хорошенькие молодые женщины?

— Вы намекаете на меня? — спросила она высокомерно, с видом оскорбленной невинности. — Да будет вам известно, что мне незачем ловить кого-либо в западню, а женатого мужчину тем более.

Ее зубы сверкнули в недоброй усмешке. Грегори и Блаунт пристально следили за ней.

— Ну, разумеется. Уж кого-кого, только не женатого. Собственно говоря, я имел в виду не вас лично: вообще... жизнь, знаете ли, — игра.

— Ха, конечно, — премило ответила она. — Я ведь тоже шучу.

Грегори и Блаунт рассмеялись.

— Смотри-ка, вывернулась и бровью не повела, — заметил после Блаунт, и Грегори вынужден был согласиться с ним.

В другой раз с подобным намеком попытался выступить Грегори. Имоджин подошла к ним, исполнив несколько пассажей на пианино, за которым она сидела, как ему показалось, с кокетливой и горделивой грацией... на кого только рассчитанной? Со своего места он мог ее видеть и чувствовал, что она знала об этом.

— Столько трудов, и все понапрасну, — как бы между прочим ввернул он.

— Что такое? Не совсем понимаю.

И она вопросительно посмотрела на него.

— Не понимаете? — усмехнулся он. — У меня привычка выражаться фигурально. Я всегда так разговариваю. Это всего-навсего веселый намек на мрачные обстоятельства. Не обращайтесь внимания. Вы все равно не поймете, если не знаете того, что знаю я.

— В таком случае, что же вы знаете такое, что я не знаю? — спросила она.

— Пока ничего определенного. Так, некоторые соображения. Не обращайтесь внимания.

— Право, вы очень странные оба — и вы, и мистер Блаунт. Вы постоянно говорите какие-то непонятные вещи, а потом заявляете, что они ничего не значат. А что значит фигурально?

Грегори, все еще посмеиваясь над ней, сказал:

— А знаете, вы человек совсем особого типа. Я все время с большим интересом наблюдаю за вами.

— Seriously? — Она приподняла брови и сделала круглые глаза. — Это любопытно. И к какому типу я, по-вашему, принадлежу?

— Еще точно не знаю. Но если вы принадлежите именно к тому типу, который я имею в виду, то вы очень искусны. В таком случае мне пришлось бы отдать вам пальму первенства.

— Право, вы меня изумляете, — серьезно сказала она. — Нет, в самом деле. Я совершенно не понимаю вас. О чем вы говорите?

Если вы что-то под этим подразумеваете, то я хотела бы, чтобы вы высказались прямо, а если нет, лучше бы совсем не говорили.

Грегори изумился. В ее голосе послышались вызывающие нотки.

— Вы только не сердитесь, хорошо? — сказал он, несколько смущенный. — Я просто шучу, вот и все.

Она поднялась и ушла, а он стал шагать взад и вперед по веранде,

высматривая Блаунта. Найдя его, Грегори поделился с ним своими впечатлениями.

— Что ж, может быть, мы и ошибаемся. Кто знает? Дай ей развернуться. Скоро что-нибудь да выплывет наружу.

А затем Грегори стало казаться, что миссис Скелтон и еще кое-кто незаметно помогают Имоджин, но чего все они добиваются и зачем, ему было не совсем ясно. Он вовсе не был расположен льстить себе и все же порой невольно думал, что стал предметом каких-то тайных интриг. Несмотря на то, что произошло между ними, Имоджин по-прежнему держала себя с ним по-дружески и, по-видимому, не только не избегала его, но старалась постоянно быть в поле его зрения.

В отель приехал и где-то в нем поселился самодовольный расфранченный еврей, маленький и юркий; он сновал туда и сюда и, казалось, не имел никакого отношения ни к миссис Скелтон, ни к ее друзьям. Но вот однажды, гуляя среди песчаных дюн, окаймляющих залив, Грегори увидел Имоджин и юркого, как муравей, еврея, — они вдвоем шли по берегу. Он был так поражен, что в изумлении остановился. Первой его мыслью было подойти поближе и окончательно удостовериться, но они медленно двигались в его сторону; он увидел, что ошибки быть не могло, и поспешно удалился. Блаунт был немедленно посвящен в эту тайну, и за обедом, увидев, как юркий человек вошел и уселся за дальним столиком, он как ни в чем не бывало спросил:

— Кажется, приезжий?

Миссис Скелтон, Имоджин и один из маклеров, которые были при этом, окинули незнакомца пытливым взглядом, а затем равнодушно отвернулись.

— Не имею ни малейшего представления, — отозвался маклер. — Первый раз вижу. Держу пари на тысячу долларов, что он по галантерейной части.

— Кто бы он ни был, похоже, что он богат, — простодушно заметила Имоджин.

— Он приехал, кажется, в четверг. По-моему, он ничего особенного собой не представляет, — сухо сказала миссис Скелтон; и к этой теме больше не возвращались.

Грегори так и подмывало тут же обличить Имоджин и ее друзей во лжи, но он решил подождать и внимательно приглядеться к девушке. Все это, бесспорно, становилось занятным. Если они пошли на такую ложь, значит, тут что-то есть. Выходит все-таки, что она обманщица, хотя и на редкость очаровательна. Его интерес к ней, миссис Скелтон и их друзьям

сразу возрос.

А затем появился таинственный голубой гоночный автомобиль, «гончая», как впоследствии стал называть его Грегори, громадная, неповоротливая, устрашающая машина, богато и даже роскошно отделанная, у которой был совсем особенный звук мотора. В его реве слышалась металлическая нота, и он далеко разносился в чистом воздухе над прибрежными дюнами. Как Грегори позже узнал от миссис Скелтон, машина принадлежала одному из четырех юных счастливицков, проводивших летнее время в соседнем отеле, расположенном в миле к западу от «Тритона». Владелец машины, некто Каслмен, сын и наследник очень богатых родителей, был приятелем миссис Скелтон, — у них были какие-то общие дела в городе. Молодые люди, пояснила она, приехали ради Имоджин, чтобы помочь развлекать ее, и они всегда приезжают на этой машине. Каслмен и его друзья, лощеные, одетые по последней моде, играли в теннис и бридж и были осведомлены относительно эстрадных, танцевальных и спиртных новинок. Все они, во всяком случае, трое из них, очень бойкие и разбитные, были не прочь поухаживать за Имоджин, но миссис Скелтон вскоре доверительно сообщила Грегори, что не намерена поощрять их. Родителям Имоджин это может не понравиться. Другое дело Грегори и Блаунт — такие солидные и образцово скромные люди!

С тех пор миссис Скелтон стала совершать почти ежедневные прогулки то в машине Каслмена, то в своей собственной, причем брала с собой Грегори, когда он выражал согласие, и Имоджин. Однако Блаунт с самого начала решительно заявил, что он против таких прогулок.

— Говорю тебе, не оставайся с нею наедине или вместе с ее приятелями нигде, кроме этой веранды. Они хотят поймать тебя в ловушку, но дело не клеится, вот они и пустились во все тяжкие. Но скоро они так или иначе проявят себя, — это ясно как день. Они хотят меня устранить, а ты не сдавайся или найди кого-нибудь вместо меня. А то и не заметишь, как попадешься. Так-то и ловят людей. Бери меня с собой или пусть они пользуются моей машиной, а ты прихватывай кого-нибудь еще. Тогда хотя бы в некоторой степени ты будешь хозяином положения.

Грегори заверил Блаунта, что не желает, чтобы вместо него был кто-нибудь другой; в дальнейшем он принимал приглашение лишь в том случае, если среди приглашенных оказывался Блаунт, хотя и видел, что остальным это не нравилось.

Нельзя сказать, чтобы Имоджин была против, но миссис Скелтон постоянно выражала недовольство: «Чего мы ждем?» — или: «Неужели без него никак нельзя обойтись?»



Тогда Грегори пояснял, что Блаунт — его старый и близкий друг. В сущности говоря, они отдыхают вместе. Блаунт сейчас не очень занят... Они, казалось, принимали все это за чистую монету, а Блаунт только и ждал удобного случая, чтобы предложить им поехать всем вместе в его машине.

Но чем чаще бывали подобные «случайности», тем чаще и миссис Скелтон прибегала к невинным ухищрениям, затевая неожиданные прогулки. Приятно пройтись по сосновому лесу и песчаным холмам к соседнему отелю, где есть восхитительная беседка, и эту прогулку ей хотелось совершить именно с Грегори. Но стоило ему согласиться, как тут же появлялась Имоджин, и, разумеется, ее нельзя было не пригласить. Тогда миссис Скелтон вдруг вспоминала, что она забыла зонтик, сумку или носовой платок, и немедленно удалялась, оставляя Имоджин и Грегори прогуливаться вдвоем. Но Грегори никогда не пускался в путь, не дождавшись возвращения миссис Скелтон. Так просто его не заманишь в западню.

К этому времени, несмотря на атмосферу неопределенности и подозрений, Грегори и Имоджин подружились. Он видел, что нравится ей. Она смотрела на него томным взглядом, и порой ноздри ее чуть вздрагивали, — что бы это могло значить? Сидя с ним рядом, в машине или еще где-нибудь, она кокетливо и ласково придвигалась к нему поближе. В последнее время она пыталась учить его танцевать и бранила, употребляя милые выражения вроде: «Вот непослушный мальчишка», или: «Ах вы, растяпа — глиняные руки!» (когда он однажды что-то уронил), или: «Какой вы большой и неловкий — и какой сильный. Вас не повернешь».

А он смотрел на нее и думал: интриганка, но такая красивая и такая изящная! Какой чудесный цвет лица! Какие пышные, шелковистые волосы! И взгляд ее серо-карих глаз, такой строгий и вместе с тем ласковый, когда она смотрит на него. Нос такой маленький и прямой, рот резко очерчен, как у англичанки, губы полные, и верхняя в середине чуть нависает над нижней. А как она взглянула на него, когда они остались одни! Он даже смутился.

Но что же делала в эти смутные дни «голубая гончая»? Однажды вечером миссис Скелтон пригласила Грегори проехаться в Бейсайд, миль за двадцать пять; Блаунт их сопровождал. Не проехали они и десяти миль, — так показалось Грегори, — как до его слуха донеслось гудение необыкновенно мощного мотора. Оно напоминало назойливое жужжание пчелы или шершня, бьющегося о стекло. Что-то в нем было яростное, дикое. Грегори мгновенно вспомнил этот звук и узнал огромную голубую машину молодого Каслмена. «Что это значит, — спрашивал он себя, —

стоит нам куда-нибудь поехать, как этот звук начинает нас преследовать». И без всякой задней мысли он обратился к Имоджин:

— А ведь это машина Каслмена, слышите?

— В самом деле похоже! Интересно, он ли это, — как ни в чем не бывало проговорила она.

В тот день больше не было повода задуматься над этим, но в другой раз, когда они далеко отъехали от отеля, тот же звук мотора раздался совсем рядом на соседней дороге и миновал их. Однажды неизменные пассажиры голубой машины появились в той же самой гостинице, в которой остановились он, Блаунт, Имоджин и миссис Скелтон.

Потом как-то внезапно ему открылся истинный смысл всего этого. Грегори припомнил, что каждый раз, когда он слышал звук мотора, этот звук сопровождался появлением машины Каслмена у придорожной гостиницы или ресторана, где он был в обществе Имоджин и Блаунта. И непременно вслед за тем появлялась все та же компания молодых людей («веселые ездоки», как они себя называли), которые объясняли подобные встречи счастливой случайностью. Он вспомнил (и это обстоятельство подтвердил бдительный Блаунт), что если мотора не было слышно и обычная компания не появлялась, то как только они прибывали к месту назначения, миссис Скелтон или Имоджин сразу удалялись в дамскую комнату, и вскоре издали доносился бешеный рев машины и появлялись «веселые ездоки». Но с какой целью? Может быть, они искали повод скомпрометировать его?

Однажды вечером, в одной из гостиниц, после того как миссис Скелтон, по своему обыкновению, ненадолго покинула их, Грегори сидел у перил балкона и смотрел вниз на безмолвную сосновую рощу, и вдруг ему показалось, что он слышит приближающуюся издали машину, громадное злое животное, захлебывающееся лаем, словно гончая, напавшая на след. В звуке мотора или в вечерней тишине было что-то необъяснимо странное, жуткое. А спустя несколько минут появилась машина, и четыре приятеля ввалились в помещение нагло и бесцеремонно; увидев Грегори, они выразили изумление. Грегори почувствовал холодок и дрожь во всем теле. Какое коварство, как ужасно, когда вот так преследуют человека! Как погрязли в трясине политических махинаций, как судорожно цепляются за власть над взбудораженными миллионами городских жителей эти люди, Тилни и его друзья, если они сочли необходимым опутывать такой сетью интриг одного-единственного человека, который пытается разоблачить их! Их преступления! Грабеж и мошенничество! Как хорошо известны ему некоторые их преступные дела и как близок он к тому, чтобы доказать это и

прогнать их с высоких постов, подальше от государственной казны, от благ и почестей!

Вот почему он представляет для них такой интерес, он — независимый журналист, на свой страх и риск ведущий расследование. Да, сколько тут подлости, черных тайн и коварства! Что они замышляют, эти две улыбающиеся женщины и эти четверо лощеных головорезов, розовощеких, с учтивыми манерами? Что им от него нужно? Чем все это кончится?

Когда миссис Скелтон, Имоджин, Блаунт и Грегори собирались ехать обратно, а Каслмен и его друзья усаживались в свою машину, появилась третья компания, прежде того неизвестная ни Блаунту, ни Грегори; приезжие завязали разговор с обеими женщинами и в конце концов уговорили их пересесть к ним в автомобиль. Миссис Скелтон извинилась, стала объяснять, что это ее старые друзья, с которыми она давно не виделась, и что позднее все они встретятся в отеле за бриджем. Блаунт и Грегори, предоставленные самим себе, решили до ближайшего перекрестка ехать проселком, чтобы первыми попасть домой. Новый ход заинтриговал их, однако в ту минуту они не могли его разгадать. Когда они проезжали участок, где по обе стороны стояли тенистые деревья, их вдруг ослепили фары машины, мчавшейся навстречу на полной скорости; и хотя Блаунту удалось поразительно быстро и ловко свернуть в сторону, к обочине, все же встречная машина проскочила на чудовищной скорости так близко, что задела их левое заднее колесо.

— Машина Каслмена! — тихо проговорил Блаунт, когда она миновала их. — Я его видел. Проскочили в дюйме от нас!

— Подумать только! — возмущенно воскликнул Грегори. — Интересно знать, вернутся они поглядеть на плоды своих трудов?

И тут же они услышали, что огромная машина возвращается.

— А дело-то серьезное. Не нравится оно мне, — прошептал Блаунт. — Эта машина разнесла бы нас в куски, а на ней даже царапины не осталось бы. Вот они. Смотри не зевай. Хорошо еще, что мы вооружены. Револьвер при тебе?

Молодчики приближались как ни в чем не бывало.

— Привет! Ничего не случилось? — еще издали окликнули они. — Приносим извинения. — И затем, как будто они только что узнали, кто перед ними: — Смотри-ка, да это же Грегори с Блаунтом! Ну, уж вы извините, друзья! Несчастный случай, уверяем вас.

Руль отказал.

Грегори и Блаунт заранее решили не отступать и в случае нового

вероломства ответить пулями. Напряжение несколько разрядилось с прибытием третьей машины, в которой сидели четверо мужчин средних лет; увидев в лесу группу людей и стоящую поблизости большую машину, они остановились узнать, в чем дело. У Грегорихватило присутствия духа задержать вновь прибывших.

— Не можете ли вы обождать, пока не уедут эти молодчики? — шепнул он тому из них, кто помогал Блаунту вытащить на дорогу его автомобиль. — Мне кажется, они намеренно пытались раздавить нас, но с уверенностью сказать не могу; во всяком случае, нам не хотелось бы остаться с ними наедине.

Сообразив, что положение изменилось и что вновь прибывшие не собираются уезжать, Каслмен и его приятели рассыпались в извинениях и проявили готовность оказать помощь. Они, видите ли, забыли кое-что в гостинице и решили вернуться. Подъезжая сюда, они заметили огни автомобиля Блаунта и попытались остановиться, но что-то случилось с рулевым управлением. Хотели свернуть в сторону, но не могли и чуть не разбили свою машину. Есть повреждения? Они охотно за все заплатят. Блаунт заверил, что повреждений нет; он и Грегори принимали извинения со всей учтивостью; но от помощи решительно отказывались. Когда «веселые ездоки» отбыли, Блаунт и Грегори, охраняемые незнакомцами, добрались до отеля, который был уже погружен в темноту и молчание.

Удивительное дело, снова и снова говорил себе Грегори, огромный город весь опутан сетью подобных преступных интриг. Его пытались хладнокровно убить, и кто же — молодая девушка и молодые люди, которым едва перевалило за двадцать, и невозможно уличить их. Он-то совершенно убежден, что уже дважды едва не стал жертвой убийства, и все же он бессилеи что-либо доказать, ни к чему не придерешься, он даже не осмелился бросить им обвинение! А Имоджин, эта веселая и красивая девушка, делает вид, будто влюблена в него... и он почти верит ей... и в то же время убежден, что она так или иначе замешана в заговоре. Уж не сходит ли он с ума?

Он был за то, чтобы уехать немедленно, так как чувствовал, что имеет дело с бандой убийц, замышляющих уничтожить его под предлогом «несчастливого случая», коль скоро им не удастся опозорить его с помощью хитрости и интриг; но Блаунт придерживался иного мнения. Он считал, что время для отъезда неподходящее. В конце концов все преимущества пока что на их стороне. К тому же Блаунт был убежден, что эта девушка — слишком слабое орудие в руках ее сообщников, она неопытна и едва ли сумеет хорошо выполнить свою роль в заговоре. Он сказал, что пришел к

этому заключению на основании некоторых сведений, которые пока что удалось о ней получить. Одно время она была личной секретаршей хорошо известного банкира, который был связан с Тилни общими интересами в Пеньянке; дело кончилось тем, что банкира привлекли к суду, но он успел скрыться. Не исключено, что сохранились какие-то бумаги, подписанные ею в качестве доверенного секретаря или казначея, из-за чего она и стала жертвой Тилни или кого-нибудь из его политических друзей. Блаунт теперь готов был, если потребуется, помочь Грегори достать денег для его расследований. Надо уберечь город от таких людей, как Тилни; при этом Блаунт считал, что Имоджин мягка и податлива и Грегори мог бы перетянуть ее на свою сторону.

— Не отступай, — твердил он, — иди до конца. Положение довольно серьезное, я понимаю, но не забывай, что, где бы ты ни был, оно не улучшится, а здесь по крайней мере мы знаем, с кем имеем дело. Теперь они уже поняли, что мы берем над ними верх. Должны понять. Они нервничают, вот и все, а время уходит. Можно было бы вызвать сюда твою жену, но что толку. Кроме того, если ты сумеешь воспользоваться обстоятельствами, ты найдешь способ привлечь эту девушку на свою сторону. Что бы она там ни делала, мне кажется, ты ей нравишься. — Грегори фыркнул. — Или при желании понравишься, а тогда у тебя будет возможность через нее узнать их планы. Разве ты не замечаешь, как она все время поглядывает на тебя! И не забывай, что каждый день приближает тебя к выборам, а тем временем ты держишь инициативу в своих руках, не давая им довести их замысел до губельного конца. Если в ближайшее время им не удастся ничего добиться, то не успеет

Тилни изобрести что-нибудь новенькое, как на него свалятся выборы, а тогда уж будет поздно. Понимаешь?

Грегори согласился несколько повременить с решением, но чувствовал, что нервы его начинают пошаливать. Он становился раздражительным и злым, и чем больше думал об этом, тем хуже себя чувствовал. Попробуй-ка быть любезным с людьми, если в душе они убийцы и пытаются тебя погубить!

Но когда на следующее утро за завтраком он увидел Имоджин — хорошенькую, приветливую, с выражением того дружеского внимания, которое в последнее время все чаще светилося в ее взгляде, его невольно потянуло к ней, хотя он всячески старался не обнаружить этого.

— Что же вы вчера вечером не пришли к нам играть в карты? — спросила она. — Мы так ждали вас.

— Разве вы не слышали о самом новом «несчастном случае»? —

спросил он, делая ударение на последних словах и глядя насмешливо и вызывающе.

— Нет. А что это за несчастный случай?

Казалось, она ничего не знала о происшедшем.

— Разумеется, вы понятия не имеете, что, после того как вы вчера уехали, машина Каслмена чуть не врезалась в нашу.

— Не может быть! — вскрикнула она с неподдельным изумлением. — Где?

— В лесу за Белпойнтом, как только вы покинули нас. Вам обоим очень повезло, вы уехали как раз вовремя. — Он усмехнулся и рассказал Имоджин всю историю, сделав несколько иронических замечаний относительно руля, который оказался неисправным.

Рассказывая, он пристально следил за ней, а она смотрела на него с выражением не то страдания, не то страха. Нет, взгляд ее не обнаруживал интереса и сочувствия к замыслам ее друзей или хозяев, если они действительно были над ней хозяевами. Она удивлялась так искренне, трогательно, убедительно, что обезоружила его. Он не мог заставить себя поверить, что она причастна и к этому. Как говорил Блаунт, она скорей всего именно орудие в чужих руках. Вероятно, она сама беспомощна или не знает, до каких пределов могут пойти ее мнимые «друзья». Глаза ее смотрели тревожно, печально. Она казалась какой-то особенно слабой, растерянной, и это, не увеличив его уважения к ней, смягчило в нем враждебность. Он почувствовал, что теперь мог бы даже увлечься ею. Вместе с тем он подумал, что ее можно увлечь настолько, чтобы она стала ему помогать. Он имеет на нее влияние, а это уже кое-что значит. Он описал происшествие подробно, со всей живостью, на какую был способен, давая ей почувствовать, что он и Блаунт были на волосок от смерти. Ей, по видимому, стало не по себе, и она вскоре вышла из-за стола. Грегори позаботился о том, чтобы было совершенно ясно, что незнакомцы, встретившие их в лесу, знают все подробности происшествия и предложили свои услуги в качестве свидетелей на случай, если это понадобится.

— Но мы не собираемся что-либо предпринимать, — весело сказал он, — по крайней мере, сейчас.

Именно при этих словах она сильно побледнела, изменилась в лице и вышла из комнаты.

То ли благодаря этому разговору, то ли из-за самого происшествия или обстоятельств, с ним связанных, о которых Грегори ничего не было известно, но только в деятельности его противников как будто наступило

временное затишье. «Голубая гончая» больше не врывалась ежедневно в их жизнь. Миссис Скелтон вызвали на несколько дней в город по делам, а вслед за ней и мистера Даймондберга, того самого, «который по галантерейной части», как называл его Блаунт. За все время своего пребывания в отеле мистер Даймондберг ни разу открыто не подошел к ним. Миссис Скелтон вскоре вернулась, как всегда веселая и жизнерадостная, а тем временем Имоджин постаралась еще больше сдружиться с Грегори, что сулило некоторые перемены. Она держала себя гораздо свободнее, непосредственнее и приветливее, чем прежде. Она проводила с ним больше времени, улыбалась, шутила и все же, как казалось ему, была чем-то озабочена. Помня их разговор, состоявшийся на другое утро после столкновения с «голубой гончей», Грегори чувствовал себя теперь более непринужденно, больше доверял Имоджин и думал, что, пожалуй, в недалеком будущем сможет поговорить с ней начистоту и заручиться ее поддержкой.

После отъезда миссис Скелтон, на второй день, Грегори с Имоджин провели вместе два часа кряду, что позволило им лучше понять друг друга.

После завтрака Грегори задержался, чтобы просмотреть кое-какие отчеты. Она подошла и встала около него.

— Что вы делаете? — спросила она.

— Сверяю кое-какие данные, — загадочно ответил он, с улыбкой взглянув на нее. — Садитесь.

Они разговорились сначала о местном теннисном матче, а затем о его работе, про которую он рассказал вкратце, заметив, что Имоджин, по-видимому, все это знает, во всяком случае, должна знать.

— Почему обо всем, что имеет к вам отношение, вы говорите со мной в таком тоне? — спросила она его после короткого молчания. — Вы изъясняетесь так странно, словно о ваших делах я знаю нечто такое, чего мне не следует знать.

— А разве это не так? — спросил он, мрачно глядя на нее.

— Вот опять! Что вы хотите этим сказать?

— Вы в самом деле нуждаетесь в моих пояснениях? — начал он резко и насмешливо. — Как будто вы сами не знаете! Надо думать, что вы даже и не слышали, например, про «Объединенный банк»? Или о мистере Суэйне, его президенте? Или о мистере Тилни, или о мистере Мирсе, кассире?

При упоминании этих имен, так же как и при упоминании происшествия с автомобилем, в ее глазах что-то мелькнуло, как в объективе фотоаппарата в тот миг, когда щелкает затвор, только на этот раз она не обнаружила никаких признаков страдания или хотя бы смущения. Она

казалась совершенно спокойной, только на щеках появился едва заметный румянец. Она слегка приоткрыла рот и изобразила подобие снисходительной улыбки.

— «Объединенный банк»? Мистер Суэйн? Мистер Тилни? О чем вы говорите? — упрямо сказала она. — Кто такой Суэйн и что это за «Объединенный банк»?

— Послушайте, мисс Кэрл, — сказал он наставительно и сердито, — если вы хотите, чтобы в дальнейшем я сохранил к вам некоторое уважение, перестаньте лгать. Вы отлично знаете, что я имею в виду. Вы прекрасно знаете, кто такой мистер Суэйн и почему он уехал из Истриджа. Вы также знаете мистера Даймондберга, хотя вы и говорили обратное — и как раз после того, как гуляли с ним по дюнам три недели тому назад, я тогда видел вас. Вы, верно, уже забыли об этом?

При этих словах она слегка вздрогнула. Все ее хладнокровие исчезло, она широко раскрыла глаза, а ее щеки и даже шея густо покраснели. На мгновение что-то жестокое появилось в ее лице, но тут же сменилось выражением бессилия и смятения. Казалось, она была очень расстроена и почти готова признать свою вину.

— Ах, мистер Грегори, — взмолилась она, — ну что вы говорите! Поверьте, я не имею ни малейшего представления о том, на что вы намекаете, и прошу вас, не разговаривайте со мной таким грубым тоном. По-моему, вы сами не знаете, что говорите, и, во всяком случае, ничего не знаете обо мне. Очевидно, вы меня с кем-то спутали, к чему-то припутываете, чего я вовсе не знаю. — Она сделала движение, как будто собираясь уйти.

— Одну минуту, — резко проговорил он, — не торопитесь уходить и выслушайте меня. Вы знаете, кто я такой и чем именно я занимаюсь. На свой страх и риск я организовал агентство и веду расследование с тем, чтобы свалить господствующую в городе политическую клику. У меня собрана масса улик, которые нынешней осенью могут доставить мистеру Тилни, мэру и кое-кому еще много неприятностей; они знают об этом, и этим объясняется ваше присутствие здесь. Мистер Тилни связан с мэром и был закадычным другом вашего друга Джека Суэйна. Даймондберг и миссис Скелтон в настоящее время работают на него, так же, как и вы. Думаете, я не знаю, что Каслмен и его приятели орудуют заодно с вами и миссис Скелтон с Даймондбергом и вашими «маклерами», и что на днях Каслмен пытался врезаться в нашу машину и убить меня, и что все время, пока я здесь, за мной следят и шпионят; да, это так, и я знаю это и ничуть не заблуждаюсь ни в каком отношении, в том числе насчет вас.



И он злобно посмотрел на нее.

— Нет, погодите, — снова поспешно заговорил он, когда она открыла рот и попыталась что-то вымолвить. — Я не считаю вас такой коварной и страшной, как о вас можно подумать, а то я не стал бы с вами разговаривать: все ваше поведение свидетельствовало о другом. Вы проявляли столько сочувствия и дружеского внимания, что иногда мне казалось, может быть, вы не знаете толком, что происходит. Но теперь я вижу — вы все знаете. Ваше поведение за завтраком в то утро заставило меня подумать, может, вы не так плохи, как кажется. Теперь я убедился, что вы все время обманывали меня, как я и полагал, только, должен вам сказать, до настоящей минуты мне не хотелось этому верить. Впрочем, это не первый случай, когда таким образом пытаются опутать человека. Это старый политический трюк, и вы можете проделать его еще раз, но только не со мной, во всяком случае, я постараюсь, чтобы вам это не удалось. Дело ясное, вы, господа любезные, готовы убить меня так же хладнокровно, как Тилни три года тому назад погубил Крозерса, как он готов погубить меня и всякого, кто стоит на его пути, все равно — мужчину или женщину; но я еще не попался к нему в лапы и не попадусь, можете передать ему это от моего имени. Он мошенник. Он главарь банды мошенников — помыкает мэром и всеми, кто с ним заодно, — и если вы тоже с ними заодно, а я знаю, что это так, и знаю, чем вы занимаетесь, стало быть, и вы мошенница.

— Ах, замолчите! — воскликнула она. — Прошу вас! Это так ужасно! Подумать только, как вы со мной разговариваете!

Однако она не пыталась уйти.

— Но это не все, мисс Кэрл, если таково ваше настоящее имя, — продолжал Грегори; она сжала виски ладонями, а при последних его словах снова вздрогнула. — Я уже сказал вам, что не считаю вас столь скверной, как можно подумать, поэтому я с вами сейчас и разговариваю. Но посмотрите, что получается: вот я молодой человек, моя жизнь, в сущности, только начинается, а вы стараетесь меня погубить. Я жил здесь тихо и спокойно с женой и двухлетним сынишкой, но потом малыш заболел, и жене пришлось уехать с ним в горы, и тогда вы и миссис Скелтон, Даймондберг и Каслмен, «маклеры» и все прочие, кто тут выслеживает меня и шпионит за мной, появились в отеле и стали меня преследовать. Но я не беспомощен. И не думайте, что я не был осведомлен о вашем появлении, меня предупредили. Сейчас на моей стороне не меньше влиятельных людей, чем на стороне Тилни, или будет не меньше, — и ему не удастся выйти сухим из воды так легко, как он

рассчитывает.

Но подумайте, какую роль играете вы во всем этом деле! Почему вы хотите помочь им и погубить меня? Что я вам сделал? Я могу понять, почему этого хочет Тилни. Он думает, что я располагаю фактами, которые могут повредить ему, — а это так и есть, и поскольку я не сделал никакого публичного заявления, улики все еще в моих руках; значит, если меня убрать с дороги или опорочить мое доброе имя, все пойдет прахом и он будет вне опасности, — но он сильно ошибается! Теперь так не выйдет. Не может выйти. Со мной или без меня, все пойдет своим чередом. Но дело сейчас не в этом. Два месяца тому назад мне сообщили, что здесь появись вы, — сообщила не миссис Скелтон, а мои друзья, — и что будет совершено покушение на мою жизнь. (При этих словах Имоджин широко раскрыла глаза, явно изумленная.) И вот вы здесь, точно по расписанию, и делаете все, что вам велено, и, по-видимому, ни капельки не смущаетесь этим. А вы не задумывались над тем, что участвуете в очень гнусной игре?

Он устало посмотрел на нее, а она на него, но ничего не сказала и сидела не шевелясь.

— Голубая машина в тот достопамятный вечер должна была убить меня, — продолжал он, несколько выходя за пределы того, что ему было известно, — все это было условлено задолго до вашего приезда. Не имею ни малейшего понятия, почему вы работаете на Тилни, но теперь я знаю, что именно этим вы занимаетесь, и вы осточертели мне, как и вся эта история. Вы всего-навсего жалкая мошенница, вот вы кто; и вы, как и вся эта история, надоели мне; знать я вас больше не хочу. Между прочим, к вашему сведению, я не собираюсь уезжать отсюда, и вы, если угодно, можете сообщить об этом Тилни, или миссис Скелтон, или кто там еще занимается его делами. Я вел повседневную запись всех событий, происшедших за это время, и у меня есть свидетели; если со мной здесь еще что-нибудь случится, я обращусь к печати и расскажу все от начала до конца. Если бы в вас оставалась хоть крупинка порядочности, вы не занимались бы таким делом, но вы просто-напросто жалкая мелкая обманщица, это вас и выдало, — вот и все, что я хотел вам сказать.

Он поднялся и сделал вид, будто уходит; мисс Кэрл продолжала сидеть, по-видимому, совсем ошеломленная, потом вскочила и закричала ему вслед:

— Мистер Грегори! Прошу вас, подождите! Мистер Грегори, я хочу кое-что сказать вам!

Он остановился и обернулся. Она поспешно подошла к нему.

— Не уходите, — взмолилась она. — Подождите. Подождите минуту.

Вернитесь. Я хочу поговорить с вами.

Он посмотрел на нее холодно и сердито, но все-таки остался.

— Ну? — спросил он.

— Вы ничего не знаете, — оправдывалась она, глядя на него с искренним огорчением. — Я не могу вам ничего сказать, сейчас не могу, когда-нибудь скажу, если позволите. Но вы мне нравитесь, и, поверьте, я не желаю вам зла. Поверьте! Я ничего не знаю об этой истории с автомобилем, про которую вы говорите, — уверяю вас, не знаю. Все эти люди мерзкие, отвратительные, и если они пытаются делать нечто подобное, то мне это неизвестно, и я больше не хочу иметь с ними ничего общего, — поверьте! Ах, как это ужасно! — И она заломила руки. — Да, я знаю мистера Даймондберга, это правда, но я не знала его до того, как приехала сюда, и я знаю мистера Суэйна и мистера Тилни. Я появилась здесь с намерением обратить на себя ваше внимание, это так, но мне не сказали, зачем это нужно. Миссис Скелтон сказала мне, что вы или какие-то люди, которые за вами стоят, стараются собрать компрометирующие сведения против кого-то из их друзей — против друзей мистера Тилни, мне кажется, — а они ни в чем не повинны; и что вы несчастливы со своей женой, и если какая-нибудь девушка, все равно какая, сумеет заставить вас полюбить ее или просто подружиться с вами, то она смогла бы убедить вас не делать этого, понимаете? Насколько я знаю, никто не собирался ни убивать вас, ни ранить. Мне не говорили, что на вас хотят напасть, правда, не говорили. Это ужасно, и я об этом в первый раз слышу. Мне сказали только, что им нужен кто-нибудь, кто мог бы удержать вас... предложить вам денег, если удастся. Я не думала, что это так нехорошо, потому что они много сделали для меня в прошлом — мистер Тилни, миссис Скелтон и некоторые другие. Но когда я увидела вас, я... — она замолчала и посмотрела на него, потом отвела глаза, — я убедилась, что вы не такой человек, понимаете, и... ну, словом, теперь все по-другому. Я не хочу делать ничего, что могло бы вам повредить. Правда, не хочу. Я теперь просто не могу...

— Так вы признаете, что знакомы с мистером Тилни? — мрачно, но втайне торжествуя, заметил Грегори.

— Я ведь уже сказала вам, — ответила Имоджин.

Она замолчала, и Грегори подозрительно уставился на нее. Ясно было, что он ей нравится, и нравится не так, как это бывает при мимолетном флирте; а он... он испытывал к ней некоторое влечение. Он откровенно признался себе в этом. Невзирая на ее хитрость, она очаровательна и, насколько он может судить, пока не сделала ему ничего плохого. Даже теперь она казалась ему такой юной, несмотря на свою испорченность и

жизненный опыт, и что-то в ее лице — нежность, мягкая линия волос над лбом, припухшая верхняя губа — привлекло его и заставило задуматься.

— Ну что же? — спросил он, помолчав.

— Ах, только не сердитесь и не оставляйте меня. Ведь я вам ничего плохого не сделала, правда? Пока, во всяком случае.

— Вот именно: пока! В этом вся суть.

— Да, но я клянусь всем святым, что я и не сделаю ничего такого и не собираюсь делать. Я не лгу. Вы не верите мне, но это правда. Даю вам слово... Почему бы нам не остаться друзьями? Сейчас я больше ничего не могу вам сказать о себе... нет... но когда-нибудь скажу, и я хочу, чтобы вы остались моим другом. Я обещаю не делать ничего, что могло бы доставить вам неприятность. Ведь я ничего такого не сделала? Правда? Не сделала?

— Откуда мне знать? — резко сказал он, испытующе глядя на нее и в то же время думая, что с ее стороны это просто коварная попытка завлечь его наперекор его воле и удержать подле себя. — Мне кажется, вы уже немало сделали хотя бы тем, что связались с этой публикой. Начать с того, что из-за вас я таскаюсь с ними повсюду. Если бы не вы, разве стал бы я ездить на всякие дурацкие прогулки? Или этого мало? Чего же вам еще? А почему вы не можете сказать мне сейчас, кто такие эти люди и что вы о них знаете? — потребовал он, чувствуя себя в какой-то мере победителем. — Мне хотелось бы знать. Это могло бы сослужить мне службу, если бы вы действительно хотели помочь мне. Какие у них планы, чего они добиваются?

— Не знаю. Я не могу сказать вам больше того, что уже сказала, уверяю вас. Если узнаю, может быть, когда-нибудь скажу. Даю слово. Но только не сейчас. Сейчас не могу. Неужели вы не можете мне поверить хоть немножко? Разве вы не понимаете, что, если я так много вам говорю, значит, вы нравитесь мне? Я вовсе не намерена вредить вам, право же. Я многим обязана этим людям, но не настолько, чтобы зайти так далеко. Вы мне не верите?

Словно от горькой обиды она широко раскрыла глаза. В выражении ее лица было что-то новое, привлекающее, ласковое.

— У меня не осталось ни одного близкого человека, — продолжала она, — никого, кто бы мне нравился. Наверно, я сама виновата, но...

Голос ее стал слаще меда.

Грегори был глубоко убежден, что его жена — наилучшая и самая подходящая для него спутница жизни, он очень любил своего ребенка и его заботливую мать и неизменно сохранял ей верность, но, несмотря на это, несмотря на всю осторожность, его все же волновало своеобразное обаяние

этой девушки. Откуда у Тилни такая власть над нею, что он может заставить ее заниматься подобным делом? Подумать только... а какая красивая девушка!..

— Что вы знаете о миссис Скелтон? — спросил он. — Кто она, по крайней мере? И здешние садовники? Что им нужно? (В отеле было три садовника, и всякий раз, как Грегори и Имоджин оказывались вдвоем, они как-то ухитрялись находить себе работу поблизости — обстоятельство, вынуждавшее его немедленно удаляться.) И Даймондберг?

Что касается садовников, уверяла она, то ей о них ничего не известно. Если они выполняют поручения миссис Скелтон или кого-нибудь еще, они делают это без ее ведома. С Даймондбергом она познакомилась только в отеле и терпеть его не может. По каким-то соображениям миссис Скелтон просила ее сделать вид, будто она с ним незнакома. Имоджин уверяла, что миссис Скелтон с давних пор знает ее по Цинциннати, как та и говорила, а последнее время они встречались здесь, в городе. Миссис Скелтон помогала ей найти службу, дважды устраивала ее на сцену. Да, одно время, около года, она действительно служила у мистера Суэйна, но только как простая конторщица. Ей никогда ничего не было известно ни о нем самом, ни о его планах и замыслах, никогда. Грегори спросил, как же так вышло, что именно она должна была заманить его в западню, если есть такой замысел, но она стала уверять, будто и понятия не имеет о том, что его собираются поймать в западню. Она знает только то, что она ему рассказала.

Грегори так и не мог разобраться до конца, говорит ли она правду, но все это было довольно правдоподобно, и он думал, что не может же она все время только лгать. Она казалась слишком откровенной и доброжелательной. В ее тоне и поведении сквозило нежное, пылкое чувство. В будущем, уверяла она, он узнает все, если пожелает, но не сейчас, только не сейчас. Затем она спросила его про жену, где она и когда вернется.

— Вы очень ее любите? — наивно осведомилась она в заключение.

— Конечно, люблю. Почему вы спрашиваете? У меня есть сынишка, ему два года, я его просто обожаю.

Она поглядела на него задумчиво, с некоторым замешательством или недоверием, как ему показалось.

Они порешили на том, что останутся такими же друзьями, какими были до размолвки. Он признался, что она ему нравится, но все же он не доверяет ей — во всяком случае, пока. Все должно идти по-прежнему, но при одном условии: отныне что бы с ним ни случилось, она будет за это в

ответе. Она откровенно сказала ему, что над остальными никакой власти не имеет. Они сами себе господа, и до некоторой степени она должна им подчиняться, но по мере сил будет его оберегать. Нет, она не думает, что они намерены еще долго преследовать его. Пусть он с нею не считается и уезжает, если находит нужным. Она может видаться с ним и в другом месте, если он захочет. Она не уверена, что его отъезд повлияет на замыслы его противников. Так или иначе, если он уедет, она не последует за ним, — разве что он сам этого пожелает, и тогда она будет очень рада. Но возможно, что и здесь больше ничего не случится. Если она что-нибудь услышит, она его предупредит или попытается предупредить в свое время. Но теперь она ничего больше не может сказать. Возможно, что немного позже, как только ей удастся выбраться отсюда... есть вещи, которые от нее не зависят... Она выражалась весьма загадочно и таинственно, и он понял это в том смысле, что она попала в трудное положение, из которого не так-то легко выпутаться.

— В конце концов я не стал бы очень на нее рассчитывать, — рассудил Блаунт, когда Грегори ему обо всем рассказал. — Гляди в оба, вот мой совет. Ни в коем случае не рискуй из-за нее своей репутацией. Кто знает, может быть, она опять врет. Кто раз смошенничал, тот мошенником и останется.

Такова была его философия.

Миссис Скелтон вернулась на третий день после этого разговора с Имоджин, и, несмотря на то, что они, казалось бы, сблизились, как никогда раньше, заключив дружественный полуоборонительный пакт, он все же чувствовал предательство. Он сам не понимал почему. Имоджин вела себя с ним по-дружески, держалась просто, непосредственно, была мила и даже предупредительна... и все же... в чем тут дело? То он думал, что она, может быть, невольная жертва, попавшая под влияние миссис Скелтон, то, что она совершенно беспринципная политическая авантюристка. Хотя она, по-видимому, и старалась, как он говорил, «быть на высоте», но он сталкивался с нею при таких странных обстоятельствах, что, несмотря на все сказанное ею в прошлом и теперь, сомневался: может быть, она по-прежнему пытается его скомпрометировать? Как ни был он далек от того, чтобы стать на скользкий путь, все же его отношения с ней начинали обретать очарование игры, в основе которой лежит непобедимое влечение полов.

Так, однажды, после того, как они до поздней ночи просидели за картами, он вышел на маленькую веранду, с которой открывался великолепный вид на море, — верандой этой заканчивался коридор, где

находилась его комната, — и здесь увидел Имоджин, — она была одна, в прозрачном платье, веселая, приветливая. Теперь, когда они стали друзьями и между ними состоялся тот памятный разговор, она вела себя так, словно приглашала его установить с ней отношения более близкие и притом ничуть для него не опасные. Она готова оградить его от всего, все взять на себя. В то же время он был далек, очень далек от того, чтобы сдаться. Не раз он уверял ее, что не желает вступать с ней ни в какие романтические отношения, и, однако, вот она у его двери. После он говорил себе, что, возможно, тревожиться тут нет особых оснований, ведь он предупреждал ее, и похоже было, что она пыталась рассеять подозрения, переубедить его. Конечно, здесь мог оказаться любой человек, живущий в отеле (притом и ее собственная комната была где-то поблизости), но главное правило, установленное Блаунтом и до сих пор выполнявшееся Грегори, гласило: никогда, ни при каких обстоятельствах, которые могут быть неправильно истолкованы, не оставаться с нею наедине. К тому же, уходя, — а Грегори тотчас ушел, непринужденно и шутливо извинившись, — он заметил двух мужчин, которые появились из-за угла длинного коридора, и один из них, увидев его, сказал другому: «Должно быть, нам в другую сторону, Джим». Вполне возможно, что и в этом не было ничего особенного. Кто угодно мог случайно зайти туда, где на угловой веранде сидела девушка в весьма прозрачном облачении, но все же...

То же самое случалось всякий раз, когда он вечерами прогуливался за оградой или вдоль дамбы, слушая, как с грохотом бьет в нее морская волна, и размышляя о прелести ночи, красоте отеля и мерзости политики. Он замечал, что, когда вблизи бывали посторонние, Имоджин всегда оказывалась подле него, когда же, как думалось, они на самом деле могли бы спокойно остаться наедине, ее не было. Как-то вечером Буллен, один из маклеров и, по-видимому, не из худших среди своей братии, выйдя с миссис Скелтон и Имоджин на прогулку и увидев Грегори, затеял с ним разговор, а затем ушел вместе с миссис Скелтон, оставив Имоджин на его попечении. Не желая показаться до глупости подозрительным, Грегори в то же время был серьезно озабочен и не знал, как же вести себя в подобных случаях. Его теперь постоянно, мучительно тянуло к Имоджин, и все же... Он не раз говорил ей, что не желает оставаться с ней наедине при подобных обстоятельствах, но вот поди ж ты: сама постоянно твердит, что не станет навязываться ему против его желания, а вот полюбуйте! Все ее объяснения сводились к тому, что она тут ни при чем, что все это чистая случайность или подстроено без ее ведома. Она бессильна предусмотреть все случайности. Когда же он настаивал, желая выяснить, почему она не

уезжает, почему решительно не порвет со всем этим, она объясняла, что не может так поступить, не причинив серьезного вреда себе и миссис Скелтон, а кроме того, для него безопаснее, если она здесь.

— Что это значит? — спросил он ее теперь. — Новая уловка? — Заметив, что она умолкла и отшатнулась, он устыдился. — Ну, вы же знаете, о чем речь, — сердито добавил он.

— Прошу вас, Эд, не будьте таким подозрительным. Ну, почему вы так себя ведете? Что же, по-вашему, мне даже и гулять здесь нельзя? Сегодня вечером я не могла избежать этого, уверяю вас, не могла. Разве вы не понимаете, что и мне приходится играть роль — во всяком случае, временно. Вы хотите, чтобы я собралась и уехала? Я объясняю вам, что не могу. Вы не верите? Неужели вы совсем не доверяете мне?

— Ну, хорошо, хорошо, — проворчал он, очень недовольный собой. — А теперь пойдете. Сами знаете, я должен опасаться злых языков. — И, взяв ее под руку, он учтиво, но решительно повел ее на главную веранду, стараясь в то же время быть любезным.

— Поймите, Имоджин, я не могу допустить этого и не допущу. Вы должны избегать подобных вещей. Иначе я прекращу всякое знакомство с вами. Вы говорите, что хотели бы по меньшей мере сохранить мою дружбу. Очень хорошо. Но как это сделать?

Поспоров в таком духе еще некоторое время, они расстались не совсем врагами, хотя и очень недовольные друг другом.

К своему великому неудовольствию, Грегори в конце концов убедился, что ограничен в выборе мест для прогулок и отдыха почти в такой же степени, как если бы находился в тюрьме. Когда он впервые приехал в отель, ему приглянулась небольшая аллея со скамьями и цветущими виноградными лозами, расположенная позади лужайки; она стала для него излюбленным местом, где можно было отлично прогуляться и покурить, но теперь ему пришлось от нее отказаться. Он был уверен, что там Имоджин застанет его одного или туда явится с нею миссис Скелтон, чтобы потом оставить его с девушкой наедине, а три садовника или маклеры, вероятно, будут поблизости, готовые выполнить роль свидетелей. Он не мог не думать, что попал в глупое и смешное положение.

Порою Грегори разъезжал с Имоджин и Блаунтом в машине Блаунта, иногда они приглашали и миссис Скелтон, а иногда и нет — как придется, поскольку Блаунт был рядом, это не имело значения; они никогда не ездили далеко, и притом Грегори и Блаунт всегда брали с собой оружие, готовые к любой неожиданности, к любой схватке. Дело это было, по-видимому, рискованное, но приятели несколько приободрились, так как до сих пор им



везло и к тому же Имоджин очень нравилась обоим. Теперь, признавшись в своей любви к Грегори, она была с ним необычайно мила, а с Блаунтом весела и любезна, ласково поддразнивала его и называла сторожевым псом. Блаунт был очень горд тем, как ловко они с Грегори справляются со всей этой историей. Не раз, даже в присутствии девушки, он говорил, что в этом есть спортивный интерес, прелесть азартной игры и что Имоджин их не перехитрит, а все это помогает весело проводить время, хотя, может быть, его собственная жизнь и жизнь Грегори или, по крайней мере, их репутация поставлены на карту.

— Действуй, вот мой совет, — твердил Блаунт, увлеченный событиями. — Пусть она как следует в тебя влюбится. Добейся, чтоб она свидетельствовала в твою пользу. Попытайся получить от нее настоящие свидетельские показания, написанные черным по белому. Какой это был бы козырь в избирательной кампании, если бы уж тебя вынудили с него пойти.

При всем своем благодушии Блаунт был практичным и дальновидным политиком.

Но Грегори чувствовал, что не способен так поступить. Очень уж она ему нравилась. Никогда не была она так отзывчива, так близка к нему, как теперь. На прогулках они с Блаунтом стали подшучивать над Имоджин, над ее ролью во всей этой истории, спрашивали, нет ли поблизости голубой машины, расставлены ли по местам садовники и кто спрятан вон за этим деревом или за тем домом.

— Зачем вам зря с нами время тратить, если у вас не все готово? — говорили они.

Она относилась ко всему снисходительно, даже смеялась и, в свою очередь, подшучивала над ними.

— Берегитесь! Вон, видите, идет шпион! — вскрикивала она, увидев торговца с тележкой или батрака с тачкой.

Все это начинало походить на фарс, но Грегори с Блаунтом решили, что в этом фарсе есть своя прелесть. Пожалуй, они так замучили ее партнеров, что скоро те выйдут из игры. Во всяком случае, оба на это надеялись.

Но едва они пришли к выводу, что заговор не так уж страшен и, видно, дело идет к концу, а миссис Грегори сообщила, что вскоре она сможет вернуться, как вдруг случилось нечто неожиданное. Однажды вечером Блаунт, Грегори и Имоджин возвращались с одной из прогулок, которые теперь не были такими продолжительными, как прежде; верный своему правилу ни в коем случае не действовать по какой-то твердо установленной системе, которая позволила бы врагу подметить и использовать их

привычки, Блаунт миновал главные ворота и выехал на боковую дорогу, которая вела к уединенному подъезду, прикрытому с обеих сторон высокой живой изгородью и купой густых сосен. Верные также решению никогда не разлучаться при подобных обстоятельствах, они направились вслед за Имоджин к двери, после того как Блаунт запер машину, чтобы ее не угнали в его отсутствие. На ступенях подъезда они немного задержались, стали подшучивать над Имоджин, что вот, мол, и еще один вечер прошел спокойно, только садовники, бедные, верно, умаялись, гоняясь за ними до поздней ночи и рыская в темноте, но она заявила, что устала и ей пора лечь. Она посмеялась над их самодовольством.

— Вы оба думаете, что умнее вас никого на свете нет? — устало усмехнулась она. — Вам пошло бы на пользу, если бы с вами обоими что-нибудь случилось, — слишком уж вы умные.

— Серьезно? — едва сдерживая смех, сказал Блаунт. — Ну, не стоит по этому поводу устраивать полуночных конференций. Зачем вам терять дорогие часы сна?

А Грегори прибавил:

— Правда, Имоджин, у вас столько работы, вы должны поберечь себя.

— Да замолчите вы и ступайте домой, — сказала она со смехом, направляясь к двери.

Но не прошли они и ста пятидесяти футов по боковой тенистой дорожке, как она, запыхавшись, нагнала их. Услышав ее шаги, они обернулись.

— Послушайте! — приблизившись, кокетливо сказала она. — Мне так неловко вас беспокоить, но кто-то запер дверь, и я не могла ни открыть ее, ни достучаться. Может быть, кто-нибудь из вас пойдет со мной и поможет? — И, видя, что оба повернули, она прибавила: — Ах да. Я и забыла. Вы ведь никогда не расстаетесь!

Блаунт фыркнул. Усмехнулся и Грегори. Нельзя было удержаться. Иногда все это выходило просто нелепо — вот как сейчас, к примеру.

— Но представьте себе, — пошутил Грегори, — вдруг дверь так плотно закрылась, что мы сумеем открыть ее только соединенными усилиями.

Видя, что Блаунт действительно готов пойти, он передумал.

— Пожалуй, я и один сумею открыть дверь. Не беспокойся на этот раз. Все равно я иду к себе, — добавил он.

У него мелькнула мысль, что неплохо бы побыть с Имоджин наедине хоть несколько минут...

Блаунт оставил их, предостерегающе подмигнув и весело пожелав им

доброй ночи. За все время совместного пребывания в отеле они ни разу не решались так поступать, но сейчас, по-видимому, не было оснований беспокоиться. Грегори никогда еще не чувствовал такой близости к Имоджин. Она казалась особенно сердечной, радостной, веселой. Вечер был душный, но приятный. Они болтали о пустяках, шутили, и ему захотелось побыть с ней еще немного. Она как-то вошла в его жизнь и была таким милым другом, или ему просто так казалось. Он взял ее под руку.

— А хорошо было в Беркли, — сказал он, думая о гостинице, откуда они только что приехали. — Красивый парк... и эта музыка! Замечательно, не правда ли? (Они там танцевали.)

— Лето скоро пройдет, — со вздохом сказала она, — и мне придется вернуться домой. Как было бы хорошо, если бы оно никогда не кончалось. Мне хотелось бы жить тут всегда, вот так, как сейчас, вместе с вами. — Она остановилась, посмотрела на вершины деревьев, глубоко вздохнула и протянула руки. — Посмотрите на этих светлячков, — промолвила она, — правда, они чудесные? — Она отступила на шаг, следя за мелькающими среди деревьев светляками.

— Может быть, посидим немного? — предложил он, когда они подошли к подъезду. — Еще не поздно.

— Вы серьезно? — радостно спросила она.

— Понимаете ли, я становлюсь таким дураком, что хочу верить вам. Разве это не глупо? Но я даже рискну побыть с вами минут пятнадцать.

— Мне хотелось бы, чтобы вы оба хоть когда-нибудь перестали дразнить меня, — просительно сказала она. — Мне хотелось бы, что бы вы научились доверять мне и иногда расставались с Блаунтом: ведь сколько раз я говорила, что не собираюсь делать ничего, что может вам повредить, не предупредив вас об этом.

Грегори, польщенный, смотрел на нее. Он был растроган, жалея ее и еще больше самого себя.

Он понимал, что невольно, несмотря на жену и ребенка, вступил на путь, на который не должен был вступать, и вместе с той, кого он, по совести, не мог уважать. Он прекрасно сознавал, что ни теперь, ни когда-либо в будущем им не быть вместе. И все же он медлил.

— Ну вот наконец мы и одни, — проговорил он. — Теперь вы можете делать ваше черное дело, меня некому защитить.

— Это было бы вам уроком, господин хитрец. Предложи я вам посидеть со мной минутку, так вы вообразите, что за каждым деревом прячется шпион. Смешно смотреть, как вы себя ведете.

Но как бы то ни было, а вам придется подождать, пока я поднимусь

наверх переменить туфли. Жмут ужасно, терпения нет. Если хотите, пройдите к веранде, или я вернусь сюда. Я сию минуту. Не возражаете?

— Ну, конечно, нет, — согласился он, подумав, что веранда — слишком уединенное место, здесь, у подъезда, безопаснее. — Пожалуйста, идите. Но лучше возвращайтесь сюда. Я тут пока покурю.

Он достал сигару и собирался расположиться с удобством, но она вернулась.

— Вам придется открыть мне дверь, — сказала она. — Я совсем о ней забыла.

— Ах да, разумеется.

Он подошел к двери, поискал сначала большой ключ, который в это позднее время всегда висел сбоку, и, не найдя его, взглянул на замочную скважину. Ключ был там.

— Это я пробовала открыть, — объяснила Имоджин.

Он взялся за ключ, и, к его изумлению, замок поддался без малейшего усилия с его стороны, что заставило его обернуться и посмотреть на нее.

— Кажется, вы говорили, что дверь не открывается, — сказал он.

— Раньше не открывалась. Не знаю, почему замок сейчас поддался, а тогда я не могла открыть. Возможно, кто-нибудь прошел здесь с тех пор. Ну, я побегу и сию минуту вернусь. — Она побежала вверх по широким ступеням.

Грегори вернулся на прежнее место: ему было немного смешно и даже в голову не приходило, что в этом есть нечто странное или неладное. Все могло быть именно так, как она говорила. Бывает, что замки иногда шалют, а может быть, кто-нибудь уже проходил и открывал дверь. Зачем постоянно сомневаться? Возможно, что она действительно любит его, как уже давала это понять, сильно влюблена и никому не позволит воспользоваться ею как оружием против него. Вполне возможно. Нет, в самом деле, продолжал он размышлять, она теперь совсем не такая, какой он вначале ее считал и какой она тогда была, она попалась в сети собственных чувств и, подчиняясь ему, ведет себя совсем не так, как рассчитывала. Не будь он женат счастливо, может быть, из этого что-нибудь и вышло бы, думал он.

Темно-зеленая стена деревьев, встававшая неподалеку, желтый свет, льющийся из стеклянного шара, вделанного в потолок, светляки и звенящие цикады — все успокаивало и развлекало его. Он начинал думать, что в конце концов политика — по крайней мере, та, к которой он причастен, — не такое уж плохое занятие, даже когда тебя преследуют. До сих пор он недурно зарабатывал, снабжая превосходной информацией некоторые газеты и политические организации — самая замечательная

была припасена напоследок, — а это дело открывало перед ним гораздо более выгодные перспективы, чем те, что были у него во времена работы в газете; новое поприще, если не считать того, что произошло за последние несколько недель, представлялось ему достаточно заманчивым. Скоро он нанесет местным законам убийственный удар. Тогда он сможет занять видное положение в городе. Его не так-то легко провести, как они полагали; к тому же эта очаровательная девушка влюбилась в него.

Некоторое время он смотрел вдоль темно-зеленой аллеи, по которой они пришли, затем стал беззаботно созерцать какое-то созвездие, видневшееся над макушками деревьев. Вдруг... а может быть, и не вдруг... шепот или только намек на шепот... словно что-то коснулось его слуха и, когда он прислушался повнимательнее, как будто легкие шаги зазвучали по ту сторону живой изгороди. Звук был так слаб, что его можно было принять за шелест травы или колебание веток. Грегори мгновенно насторожился, все его мускулы напряглись, и он весь внутренне подтянулся — не потому, что ожидал чего-нибудь ужасного, но... неужели они опять взялись за старые трюки? Опять эти таинственные садовники? Когда же это кончится? Вынув изо рта сигару и остановив качалку, на которой он медленно покачивался, он решил не двигаться, даже не шевелить руками, так удачна была его позиция; справа и слева столбы, находившиеся между ним и кустами, служили ему прикрытием, и он мог видеть, сам оставаясь невидимым. Знают ли они, что он здесь? Как они могли узнать? По-прежнему непрерывно следят за ним? Имеет ли она к этому отношение? Он решил было встать и уйти, но тут же подумал, что лучше немного повременить, выждать и посмотреть, что будет. Он уйдет, а она вернется и не найдет его на месте... Но неужели готовится какой-то новый подвох?

Быстро обдумывая все это, он в то же время до последней степени напрягал слух. Сомнений быть не могло — кто-то тихо шел слева по ту сторону ограды, и не один, а двое: как только одни шаги затихли где-то совсем рядом, оттуда же послышались другие, такие легкие и осторожные, будто кто-то крался на кошачьих лапах... Шпионы, провокаторы, даже убийцы — мог появиться кто угодно, он это понимал. Кто-то прятался и подкрадывался, и это так действовало на нервы, было так страшно и так тяжело, что ему стало не по себе. Да, видно, не следовало отпускать Блаунта и задерживаться здесь. Он готов был уйти, его пробирала дрожь, но тут ему показалось, что он слышит шаги Имоджин, спускающейся по лестнице. Значит, она все-таки возвращается. Она здесь ни при чем, напрасно он этого боялся... или, может быть... Кто скажет? Но уйти теперь было бы глупо. Она увидела бы, что он снова ей ни в чем не доверяет, а такие

отношения между ними, казалось, уже кончались. Она не раз обещала не только не вредить ему, но и оберегать его от всей этой компании. Нет, сначала он скажет ей о людях, которые прячутся за изгородью, а потом уйдет. Он скажет ей, что они по-прежнему следят за ним, готовые в любую минуту злоупотребить его доверчивостью.

Но вот ее шаги раздались у конца лестницы и затихли, а она не появлялась. Вспыхнула лампочка по ту сторону двери, обычно не горевшая в этот поздний час, и, оглянувшись, Грегори увидел — или ему почудилось, что увидел, — тень Имоджин на стене справа. Она что-то делала... но что? Под лампочкой было зеркало. Может быть, она поправляла волосы. Пожалуй, чтобы показаться ему в новом виде, она принарядилась. Он ждал. Она не появлялась.

Тогда предчувствие какого-то предательства мгновенно охватило его, леденящее ощущение, что он обманут и на краю гибели. Он почувствовал, как все в нем затрепетало от страха, и что-то шепнуло ему: «Вперед! Живей! Беги!» Больше он не мог усидеть на месте ни секунды и, словно от мощного толчка, вскочил на ноги и кинулся к двери: тут ему опять показалось, что он слышит в темноте за оградой движение и даже шепот. Что такое? Кто это? Сейчас он все выяснит!

Вбежав в дверь, он осмотрелся и увидел Имоджин — но что с ней случилось! Когда она пошла наверх, на ней было легкое летнее платье, очень модное и нарядное, а сейчас она была в мягкой, плотно облегающей домашней одежде, в какой никто бы не стал выходить из отеля. И она не оделась с привычной для нее аккуратностью, а, напротив, явилась в полном беспорядке, словно ей пришлось выдержать ожесточенную и неравную борьбу. Ворот был надорван и распахнут, рукав лопнул у кисти и на плече, юбка съехала набок и тоже была порвана выше колен. Лицо было мертвенно-бледно не то от пудры, не то от испуга и отчаяния, а прическа в таком беспорядке, будто кто-то трепал ее и сбил на сторону. Словом, у Имоджин был вид человека, на которого было совершено злодейское покушение и который вышел из схватки в растерзанном виде и дрожа от страха.

Хотя Грегори бросил на нее лишь беглый взгляд, эта перемена в ее внешности поразила его. Он до такой степени был застигнут врасплох, что не мог выговорить ни слова, но его как будто осенило, и он мгновенно понял смысл всего происходящего. Его единственной мыслью было — убежать, убраться подальше, чтобы его не увидели, не застали тут. Он отскочил к лестнице и помчался наверх, прыгая через три ступени: на бегу он оглянулся, бросил на нее изумленный, злобный и испуганный взгляд и

встретил растерянный и испуганный взгляд ее широко раскрытых глаз, но и это не удержало его. Он перевел дух, только когда достиг своей комнаты, вбежал в нее и запер за собой дверь. Очутившись у себя, он остановился, трясущийся и бледный как полотно, прислушиваясь, не раздастся ли какой-нибудь звук, нет ли погони, но, не услышав ничего, подошел к зеркалу и стал издеваться над собой, над тем, что он такой дурак, так легко дал себя перехитрить, полез в ловушку после всех принятых предосторожностей и умных речей. «О господи!» — вздыхал он.

А ведь клялась и обещала, даже сегодня вечером. Вот она, коварная и непостоянная человеческая природа! Значит, все это время она лгала ему, водила за нос, несмотря на всю его самонадеянность, принятые предосторожности и подозрения, а сейчас, в конце сезона, едва не залучила в западню. Значит, Тилни нелегко провести. Он добился от своих подчиненных такой ловкости и покорности, о каких Грегори и не подозревал. Но что же он ей скажет теперь, когда узнал, что она собой представляет, если только когда-нибудь снова ее увидит? Она просто посмеется над ним, она считает его дураком, хотя ему и удалось удрать. Захочет ли он снова видеть ее? Никогда, решил он. Но подумать только, что такая юная, такая нежная и, казалось, влюбленная девушка может быть так безжалостна, дьявольски хитра и жестока! Она гораздо изобретательней, чем думали они с Блаунтом.

Придвинув к двери стол и стулья, он позвонил Блаунту, сел и стал его поджидать.

Теперь ему было совершенно ясно, что она замышляла разыграть жертву мнимого нападения, а он оказался бы в роли преступника, и если бы его противники собрали достаточно свидетелей, ему нелегко было бы доказать свою невиновность. Ведь и его и Блаунта часто могли видеть с ней, хоть он и дал себе слово остерегаться этого.

Ее свидетели скрывались совсем рядом, в темноте, и ждали только подходящей минуты. Даже если бы ему удалось доказать свое пристойное поведение в прошлом, все равно, принимая во внимание то подозрительное обстоятельство, что он заигрывал с ней, и эту коварную ситуацию, — разве присяжные и публика поверили бы ему? Еще секунда-другая, и она закричала бы, что он на нее набросился, подняла бы на ноги весь отель. Ее тайные сообщники ринулись бы к нему и избili его. А может быть, и убили. Кто знает? Потом сказали бы, что защищались от нападения. Бесспорно, она и ее приятели нашли бы пропасть свидетелей. Но она не закричала... вот это странно, хотя времени у нее было вполне достаточно (это несомненно), и от нее этого ожидали, и она должна была закричать!

Почему же она не крикнула? Что удержало ее? Странная, беспокойная, оправдывающая ее мысль казалась все более вероятной, но тут же он сделал все, что мог, чтобы ее заглушить.

«Нет, нет! С меня довольно, — сказал он себе. — Она хотела скомпрометировать меня — вот и вся разгадка. И каким образом! Ужасно! Нет, все кончено. Завтра же уезжаю, это решено, поеду в горы к жене или увезу ее домой».

Между тем он сидел весь дрожа, вытирая со лба пот, с револьвером в руке: как знать, может быть, они еще явятся за ним и попытаются обвинить его в покушении. Попытаются ли... смогут ли? Тут кто-то постучал в дверь, и Грегори, выяснив, что это Блаунт, открыл ему. Он торопливо рассказал Блаунту о своих мытарствах.

— Да, — мрачно и в то же время не без удовольствия проговорил Блаунт. — Эта на все пойдет. Хитрая уловка, что ни говори, подстроено на диво. А какая у нее выдержка! Ведь шутила с нами на эту тему! Я считал, что ты рискуешь, но не думал, что так сильно.

Я уже начал было думать, что за нею ничего такого нет, и вот не угодно ли! Согласен, пора уезжать. Едва ли тебе удастся перетянуть ее на свою сторону. Она слишком хитра.

На следующее утро Грегори поднялся рано, вышел на веранду и стал курить, обдумывая создавшееся положение. Да, теперь он уедет и, возможно, никогда больше не увидит эту девчонку с дьявольским сердцем. Какое откровение! Подумать только, что в мире рядом с такими женщинами, как его жена, существуют такие коварные, безжалостные, красивые сирены. Сравните их: его жена — верная, самоотверженная, терпеливая, ее единственная забота — благополучие тех, кого она преданно любит; и положите на другую чашу весов эту девчонку — лживую, наглую актрису, лишенную стыда и совести, для которой, по-видимому, единственная цель в жизни — пробиться любыми средствами за счет всех и вся!

Он хотел уехать, не повидав ее, но невольно продолжал сидеть и рассуждать, что ничего плохого не случится, если он в последний раз поговорит с ней, чтобы выяснить, действительно ли она собиралась кричать... действительно ли она такая порочная, как он думает. Он скажет ей в лицо об ее чудовищном предательстве и уличит в злодействе. Интересно, какая новая ложь готова у нее на языке? Сможет ли она смотреть ему в глаза? Попытается ли все объяснить? Сумеет ли? Ему хотелось еще раз взглянуть на нее, но не предпочтет ли она избежать этой встречи? Сейчас, наверно, она думает о том, какая неудача постигла ее, как



она промахнулась, а ведь только вчера она держала его руку, гладила ее и шептала ему, что она не такая уж плохая, мерзкая, как он думает, и что когда-нибудь он сам в этом убедится. И вдруг, на тебе!

Он ждал довольно долго, а затем послал сказать ей, что желает ее видеть. Ему не хотелось, чтобы все так и кончилось, — он хотя бы попрекнет ее и посмотрит, как она будет изворачиваться. Спустя некоторое время она появилась, бледная и, видимо, измученная, в глазах была такая усталость, будто она не спала всю ночь. К его изумлению, она непринужденно подошла к нему, и когда он поднялся, готовый дать ей отпор, она остановилась с выражением такой слабости и беспомощности, какого у нее еще не бывало. «Как играет!» — подумал Грегори. Он никогда еще не видел ее такой подавленной, совсем обессиленной и поникшей.

— Итак, — начал он, когда она остановилась перед ним, — какую новую ложь вы приготовили для меня?

— Никакой, — мягко ответила она.

— Что такое?! Совсем не собираетесь лгать? Но, по крайней мере, вы начнете с притворного раскаяния? Собственно говоря, вы уже с этого начали. Разумеется, вас заставили ваши друзья! Да? Там был Тилни... и миссис Скелтон. Они поджидали вас и, когда вы поднялись наверх, точно указали вам, что и как делать, не так ли? И вам пришлось послушаться, не правда ли? — Он язвительно усмехнулся.

— Я уже сказала вам, что мне нет нужды говорить что-либо, — ответила она. — Я ничего не сделала... ничего не собиралась делать... Только подать вам знак, чтобы вы убежали, но вы так на меня налетели...

Он нетерпеливо махнул рукой.

— Ну, хорошо, — печально продолжала она. — Как я могу убедить вас, когда вы мне не верите? А все-таки я говорю правду. Все ваши подозрения напрасны, вот только насчет случая с автомобилем вы правы, но я больше не прошу вас верить мне. Я ничего не могу поделать, раз вы не верите. Слишком поздно. Но мне придется испить чашу до дна. Прошу вас, Эд, не смотрите на меня так... так сурово. Вы не знаете, как я слаба и измучена и что вынуждает меня к подобным поступкам. Но вчера, когда я ушла от вас, я не хотела делать ничего такого, что могло бы вам повредить. И не сделала. У меня не было ни малейшего намерения, уверяю вас. Ну, что ж, смейтесь, если хотите! А что я могла поделать, все равно ничего... хотите верьте, хотите нет. У меня и в мыслях этого не было, когда я переступила порог комнаты, только... ох, до чего я дошла! — неожиданно воскликнула она. — Вы не знаете, как у меня все перепуталось в жизни. Разве ваша жизнь такая, как моя! Вы не попали в унизительное

положение, когда другие могут заставить вас делать то, что им надо. В том-то вся и беда... мужчины не понимают женщин.

— Что верно, то верно, — вставил он.

— А мне приходилось многое делать против воли... но я вовсе не хочу разжалобить вас, Эд. Я знаю, что бесполезно, и между нами все кончено, только поверьте, как я ни плоха по отношению к вам, я никогда не хотела быть такой плохой, как казалось. Уверяю вас, не хотела. Вот, честное...

— Да бросьте вы! — злобно проговорил он. — Противно! Я не для того посылал за вами, чтобы выслушивать весь этот вздор. Я просил вас спуститься только затем, чтобы посмотреть, решитесь ли вы, хватит ли у вас наглости прийти сюда, — поверьте, только за этим... просто хотел посмотреть, можете ли вы изобрести новую ложь, и я вижу, что можете. Вы редкая мошенница, вот вы кто! И я хотел бы просить вас об одном одолжении: не будете ли вы так любезны отныне оставить меня в покое. Я устал и не могу этого больше выносить. Я уезжаю. Этот Тилни, на которого вы работаете, очень хитер, но теперь кончено. Хватит. Ручаюсь, что больше вы меня не проведете.

Он направился к выходу.

— Эд! Эд! — позвала она. — Прошу вас... одну минуту... не уходите, Эд, — молила она. — Я хочу сначала кое-что сказать вам. Я знаю, все, что вы говорите, — правда. Вы не можете добавить ничего такого, что я уже не говорила себе тысячу раз. Но вы не знаете, какая у меня была жизнь, что я пережила, как меня бросало из стороны в сторону, и все равно я не могу вам рассказать... нет, только не теперь. Наша семья никогда не занимала положения, о котором говорила миссис Скелтон... Впрочем, вы, конечно, и сами это знаете... я была хуже невольницы, я переживала тяжкие, ужасные времена. — Она приложила к глазам платок. — Я знаю, я ни на что не гожусь. Да, да, вчерашний вечер убедил меня в этом. Но я не хотела причинить вам вред, даже когда появилась одна и в таком виде... уверяю вас, не хотела. Я притворялась, будто собираюсь это сделать, вот и все. Выслушайте меня, Эд. Прошу вас, не уходите. Я думала, что сумею тайно подать вам знак, чтобы вы убежали... уверяю вас. Когда я в первый раз ушла от вас, дверь была заперта, и только поэтому я вернулась. Думаю, они нарочно сделали так, чтобы я не могла ее открыть. Наверху были люди; они заставили меня вернуться... не могу вам сказать как, и почему, и кто... Но они были тут как тут... как всегда. Они решили поймать вас, Эд, любым путем, даже если я не помогу им, — прямо говорю, будьте осторожны. Прошу вас. Уезжайте отсюда! Порвите со мной всякие отношения. Порвите всякие отношения со всеми этими людьми. Я не могу ничего поделать,

честно говорю, не могу. Я не хочу, но... ах... — Она заломила руки и в изнеможении опустилась на стул. — Вы не знаете, в каком я положении, как они...

— Да? Вот что, я устал от этого вздора, — мрачно и недоверчиво сказал Грегори. — Думаю, что они велели вам прийти сюда и наговорить все это, чтобы снова завоевать мою благосклонность. Ах вы, лгунья! Вы мне опротивели! Какая же вы в самом деле подлая обманщица!

— Эд! Эд! — Она уже рыдала. — Умоляю вас! Эд! Неужели вы не хотите понять? С тех пор, что я здесь, они караулили у всех дверей всякий раз, как мы куда-нибудь ездили. Не имеет значения, в какую дверь вы войдете. Их люди стерегут повсюду. Я не знала об этом, пока не поднялась наверх. Уверяю вас, не знала. Ах, если бы мне вырваться! Мне так все омерзительно. Я говорила вам, что люблю вас, и это правда. Ах, я просто с ума схожу! Иногда мне хочется умереть, так мне все опостылело. Моя жизнь так ужасна и отвратительна, а вы, вы теперь будете ненавидеть меня.

Она тихо плакала, со страдальческим видом раскачиваясь из стороны в сторону.

Грегори смотрел на нее изумленно, но недоверчиво.

— Да, — упорствовал он, — все это мне известно. Все тот же вздор. Не верю. Вы лжете теперь, как и всегда. Вы плачете и притворяетесь печальной, чтобы опять обмануть меня, но не выйдет.

Хватит с меня, раз и навсегда, я вас знать больше не желаю. Я обратился бы к полиции, но при теперешних городских властях это бесполезно. И вот что я вам скажу. Если вы или кто другой из этой шайки будете продолжать меня преследовать, я обращусь к печати.

Найдется какая-нибудь возможность передать это дело в суд, и я ею воспользуюсь. А если бы вы действительно были «на высоте» и хотели что-то сделать для меня, что ж, это вы могли бы вполне, но где там... вы ничего не сделаете, если бы и представился случай, ни сейчас, ни через миллион лет. Не сделаете, я уверен.

— Ах, Эд! Вы меня не знаете, не знаете, что я чувствую и на что способна, — захныкала она. — Вы даже не хотите испытать меня. Если не верите, так скажите, что нужно сделать, и убедитесь сами!

— Что ж, пожалуйста, — решительно сказал он. — Сейчас я выведу вас на чистую воду. Сделайте признание, опишите все, что здесь творилось. При мне продиктуйте это стенографистке, потом пойдите со мной к нотариусу или к прокурору и все подтвердите под присягой. Вот теперь увидим, насколько ваши речи о любви ко мне соответствуют истине. — Он пристально следил за ней, а она смотрела на него — и слезы высохали на

ее глазах, рыдания замирали. Казалось, она несколько овладела собой и в раздумье уставилась в пол. — Ну что? Это дело другое, а? Теперь мне все ясно. Вы полагали, что я не сумею вывести вас на чистую воду, не так ли? Вот все и выходит по-моему, вы не решаетесь. Теперь я вас раскусил, желаю здравствовать! Наконец-то я узнал вам цену. Прощайте!

И он пошел прочь.

— Эд! — крикнула она, вскочила и бросилась за ним. — Эд! Подождите... не уходите! Я сделаю то, что вы просите. Сделаю все, что хотите. Вы не верите мне, но я это сделаю. Мне опротивело так жить, уверяю вас. Пусть они потом поступают со мной, как хотят, мне все равно. Прошу вас, Эд, не будьте так жестоки. Разве вы не видите... Неужели не видите... Эд... как вы мне дороги? Я с ума по вас схожу, это правда. Я не такая уж плохая, Эд, серьезно... Неужели вы не видите? Только... только... — Тут он вернулся и недоверчиво посмотрел на нее. — Неужели вы не можете хоть немножко полюбить меня, Эд? Ну хоть совсем немножко! Если я все сделаю, как вы хотите...

Он смотрел на нее со смешанным чувством изумления, недоверия, отвращения, жалости и даже своего рода нежности. Сделает ли она, как говорит? А если сделает, сможет ли он ответить ей чувством, которого она жаждет? Нет, он знал это. Ей никогда не удастся отвязаться от этой ужасной банды, от своего прошлого, от воспоминаний о том, как она пыталась обмануть его, а он... у него жена. Он по-настоящему счастлив со своей женой, и ему нет иного пути. И притом — его карьера, его будущее, уже достигнутое им положение. Но ее прошлое... в чем там дело? Возможно ли, чтобы люди, в особенности такие негодяи, могли так распоряжаться человеком, как она говорит, и почему она не расскажет ему все? Что же она сделала столь ужасное, что они имеют над нею подобную власть? Даже если бы он и любил ее и мог ей, безусловно, верить, есть ли у него надежда одолеть шайку тайных врагов, которая осаждает сейчас их обоих, или ускользнуть от преследований? Их опорочат: все, как есть, в подробностях, в наихудшем освещении, выставят напоказ. И тогда он не сможет сам выступить и бросить этой банде обвинение, не сможет предстать как защитник народа. Нет, нет и нет! Но почему она, столько раз пытавшаяся повредить ему, теперь приходит ему на помощь? Или, может, она надеется, что он в благодарность что-нибудь сделает для нее? Он хмуро, чуть печально улыбнулся.

— Да. Так вот, Имоджин, я не могу говорить с вами на эту тему — во всяком случае, сейчас. Вы либо величайшая актриса и обманщица, какую только видел свет, либо наивны до последней степени. Как бы то ни было,

нетрудно понять, что при создавшихся условиях, да еще после вчерашнего, вы едва ли можете рассчитывать на мою благосклонность, не говоря уже о любви. Очень возможно, что вы и сейчас лжете, — играете, как обычно. Пусть так... Но прежде посмотрим, исполните ли вы то, что я сказал, тогда и поговорим.

Он посмотрел на нее, затем на море, где виднелись плывущие к берегу лодки.

— О, Эд, — печально сказала она, заметив его рассеянность, — вы никогда не узнаете, как я люблю вас, хотя нельзя не понять, что я должна очень любить, если решаюсь пойти на такой риск. Для меня не может быть ничего хуже... Возможно, я погублю себя. Но мне бы хотелось, чтобы вы попробовали хоть немного полюбить меня, пусть ненадолго.

— Давайте не будем сейчас говорить об этом, Имоджин, — недоверчиво отозвался он, — во всяком случае, пока не порешим насчет письменных показаний. Уж столько-то вы обязаны для меня сделать. Вы ведь тоже не знаете, какая у меня была жизнь, какую непрерывную борьбу я вел, чтобы выдвинуться. Но если вы согласны, едемте сейчас же, в том виде, как вы есть. Не стоит подниматься наверх, чтобы надеть шляпку... или сменить туфли. Я достану машину, и вы поедете со мной вот так, какая есть.

Она посмотрела на него просто, прямо, устало.

— Отлично, Эд, но мне хотелось бы знать, чем все это кончится. После того как им все станет известно, вы понимаете, я не смогу вернуться сюда. Я сознаю, что обязана сделать это для вас. Но ведь я такая глупая... С женщинами всегда так, когда они любят, потому-то я и дала себе зарок никогда не влюбляться, а видите, что получилось!

Они вместе поехали в город, в его контору, к нотариусу, к прокурору — успех невероятный. Она рассказала все или почти все: как она попала на службу к Суэйну, как встретила там Тилни, как, когда Суэйн сбежал, Тилни давал ей разные поручения: она была секретарем, писала под диктовку; как она стала считать его своим покровителем; где и как познакомилась с миссис Скелтон и как последняя, по требованию Тилни (она не уверена, но, по ее мнению, это был приказ), обязала ее или, точнее, приказала ей взяться за это дело; однако Имоджин отказалась сообщить, каким образом ее принудили, заявив, что расскажет об этом позже. Она сказала, что сейчас боится говорить все до конца.

Завладев этим документом, Грегори был вне себя от радости, и все же сомнения не покидали его. Она спросила, что же теперь, что нужно еще, и он предложил ей немедленно оставить его и не встречаться с ним, пока он

все не продумает и не решит, как поступить дальше. Между ними не должно быть ничего, кроме дружбы, уверял он, до тех пор пока он рано или поздно не убедится окончательно, что ничего не угрожает ему, его жене, его делу. Время все покажет.

И однако, две недели спустя, когда она позвонила ему в контору и объяснила, что должна увидеть его хоть на минуту, сказать ему два слова, где угодно, по его усмотрению, — они снова встретились, лишь ненадолго, как внушил он себе и ей. Это было глупо, ему не следовало этого делать, и все же... При этом свидании Имоджин как-то сумела предъявить такие права на его чувства, что их нелегко было отвергнуть. Встреча состоялась в одном из маленьких боковых помещений довольно старомодного ресторана «Грил Парзан», в деловой части города. Она торжественно поклялась, что просила о встрече только потому, что хотела еще раз увидеть его; по ее словам, она пришла сюда, раз и навсегда покинув «Тритон», и, как понял Грегори, не вернется туда даже за своим гардеробом и будет скрываться в скромном квартале города, пока не решит, как ей быть дальше. Она казалась очень сиротливой, усталой и сама говорила об этом. Она не знала, что с ней теперь будет, что может обрушиться на нее. Но если бы он перестал думать о ней дурно, она не чувствовала бы себя такой несчастной. Он невольно улыбнулся: по-видимому, она страстно верит в магическую силу любви. Подумать только, как любовь изменила женщину! Это было трогательно, но и печально. Он питал к ней чисто платонические чувства, как он говорил себе, искренне в это веря. Ее отношение к нему было приятно, даже волновало его.

— Но чего же вы ждете от меня? — спрашивал он снова и снова. — Вы ведь знаете, что это не может так продолжаться. У меня — жена и маленький сынишка. Я не сделаю ничего, что может причинить им зло, а к тому же — начинается избирательная кампания. Даже эта встреча непростительная глупость с моей стороны. Я рискую своей карьерой. Этот завтрак должен быть последним, вот мое слово.

— Итак, Эд, вы пришли к твердому решению, — сказала она в самом конце завтрака, грустно глядя на него. — Значит, вы больше не хотите меня видеть? Вы так отделились от меня с тех пор, как мы вернулись в город. Я неприятна вам, Эд? Неужели я действительно такая скверная?

— Но, Имоджин, вы же сами видите, как все получается, правда? — продолжал он. — Это невозможно. В той или иной степени вы связаны с этой бандой, пусть помимо вашего желания. Вы сами говорите, что они многое знают о вас и, разумеется, не замедлят этим воспользоваться, если им будет выгодно. Конечно, они еще ничего не знают о вашем признании,

если вы им сами не сказали; думаю, что они и не узнают, если только меня не вынудят воспользоваться этим документом. А мне приходится думать о жене и ребенке, и я не хочу делать ничего такого, что может повредить им. Если бы Эмили узнала, это просто убило бы ее, а я этого не хочу. Она всегда была мне другом, и мы многое пережили вместе. Я все обдумал и убежден, что так будет лучше. Мы должны расстаться, и я пришел сказать вам, что не могу больше видиться с вами. Это невозможно, Имоджин, разве вы не понимаете?

— Даже иногда?

— Никогда. Это просто невозможно. Вы мне нравитесь, и очень хорошо, что вы помогли мне выпутаться из скверной истории, но поймите, это невозможно. Неужели не понимаете?

Она посмотрела на него, на мгновение опустила глаза, затем стала глядеть в окно, поверх городских крыш.

— Ах, Эд, как я была глупа, — печально промолвила она. — Я говорю не о признании... я рада, что сделала его... а обо всех своих поступках в целом. Но вы правы, Эд. Я всегда чувствовала, что все кончится именно так, даже в то утро, когда согласилась сделать признание. Но я старалась верить и надеяться — просто потому, что с самого первого дня, как увидела вас, поняла, что не смогу справиться со своим чувством, и, вы видите, так и вышло. Ну что ж, Эд. Давайте простимся. Любовь грустная штука, правда? — И она стала надевать шляпу, затем пальто.

Он помогал ей и все думал о том странном вихре обстоятельств, который сначала столкнул их, а теперь отбрасывает в разные стороны.

— Мне бы хотелось что-нибудь сделать для вас, Имоджин, поверьте, — сказал он. — Мне хотелось бы сказать вам что-нибудь, отчего бы вам... нам обоим... стало немного легче... но что толку? Все равно это бесполезно, правда?

— Да, — с горечью сказала она.

Он провел ее к лифту, вышел с ней на тротуар, и там они на минуту остановились.

— Да, Имоджин... — Он умолк, потом продолжал: — Не так хотелось бы мне расстаться с вами, но... что поделаешь... — Он протянул руку. — Желаю счастья и прощайте.

Он уже хотел уйти.

Она умоляюще взглянула на него.

— Эд, — сказала она. — Эд, подождите! Разве... неужели вы не хотите?..

Она протянула ему губы, глаза ее затуманились.

Он шагнул к ней, обнял ее и поцеловал. В тот же миг она прильнула к нему, словно хотела излить все свое чувство в этом их первом и последнем поцелуе; потом отвернулась, пошла, не оглядываясь, и тотчас затерялась в бурлившей вокруг толпе. Когда же Грегори опомнился и собрался идти, он заметил двух кинооператоров, с разных сторон снимавших эту сцену. Он едва мог поверить своим глазам. Пока он растерянно смотрел на них, они сделали свое дело, сложили треножки и направились к поджидавшему их автомобилю. Прежде чем он успел собраться с мыслями, они уехали... и тогда...

— Разрази меня гром! — воскликнул он. — Неужели это она подстроила? После всего, что я к ней чувствовал, после всех ее уверений! Мошенница! И они сняли нас, когда я целовал ее! Попался, черт побери! Эта девчонка или вся их шайка все-таки провели меня, и после того как мне удалось избежать стольких опасностей! Подстроено с таким расчетом, чтобы сделать бесполезным ее признание. Значит, она изменила свое отношение ко мне. Или никогда меня не любила. (Мрачная, удручающая мысль!) Неужели она... могла ли она... знать... сделать такую вещь? — гадал он. — Кто же преследовал меня все время? Она и Тилни или один Тилни?

Мрачный и беспомощный, он повернулся и пошел прочь.

Что же теперь будет? Вся его карьера в опасности. С тех пор как жена вернулась, все как будто шло хорошо, но если он выступит со своими разоблачениями, что тогда? На свет появится его фотография! Он будет обещен! Или окажется на грани этого. А что дальше? Он мог бы выступить с опровержением, заявить, что это мошенничество, что фотография — фальшивка, предъявить признание Имоджин. Но сможет ли он это доказать? Ее руки обвивались вокруг его шеи. Он обнял ее. Два кинооператора с разных точек запечатлели эту картину! Сможет ли он объяснить? Сможет ли он снова найти Имоджин? И разумно ли это? Даст ли она показания в его пользу? А если и даст, какой в том прок? Разве хоть кто-нибудь поверит человеку с подмоченной репутацией, разве дадут ему теперь выдвинуться на политическом поприще? Едва ли. Его ждут насмешки, издевательства. Никто не поверит, кроме жены, а она ничем не сможет ему помочь.

С ноющим сердцем понуро брел он по улице, ясно сознавая, что из-за его глупой доброты и снисходительности труды многих месяцев в несколько минут пошли прахом и что никогда больше, — его политические друзья так осторожны, — никогда больше, во всяком случае в этом городе, у него не будет надежды вступить в обетованную землю своего лучшего



будущего — того будущего, на которое он так уповал... не будет надежды ни для него, ни для жены, ни для малыша.

«Дурак! Ну и дурак! — в сердцах обозвал он себя и снова: — Дурак! Дурак!» Зачем он был так нелепо чувствителен и легковверен? Зачем увлекся ею? Но, не найдя ответа и прямого выхода из создавшегося положения, кроме единственной возможности все отрицать и выдвинуть контрбвинения, он медленно направился к своей конторе, которая показалась ему теперь такой мрачной, — конторе, где он столько времени трудился, но где после случившегося он, пожалуй, больше не сможет работать, а если и сможет, то без особой выгоды для себя.

«Тилни! Имоджин! — думал он. — Какие же они оба ловкие пройдохи... Тилни, по крайней мере...» Даже сейчас он не был уверен в вине Имоджин... И, размышляя таким образом, он прошел к себе в контору, оставив за дверью уличную толпу, огромную обманутую толпу, которую Тилни, и мэр, и все политиканы ежедневно и ежечасно используют в своих интересах, ту самую толпу, которой он хотел помочь и против которой, как и против него, был подготовлен и так легко и под конец так успешно осуществлен этот маленький заговор.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)